

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Филологический факультет
Кафедра русского языка

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК
доктор филол. наук, зав. кафедрой
В.С. Киселёв
« 15 » июня 2020 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СТРАХА В ДИАЛЕКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

по основной образовательной программе подготовки бакалавров
направление подготовки 45.03.01 – Филология

Галанина Валерия Викторовна

Руководитель ВКР
д-р филол. наук, профессор
Т.А. Демешкина
« 15 » июня 2020 г.

Автор работы
студентка группы № 1361
В.В. Галанина

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ТГУ)
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

УТВЕРЖДАЮ
Руководитель ООП
доктор филол. наук, зав.кафедрой
В.С. Киселёв
« 7 » июля 2019 г.

ЗАДАНИЕ
по подготовке ВКР бакалавра
студенту Галаниной Валерии Викторовны, группы 1361

1. Тема ВКР: Концептуализация страха в диалектной коммуникации.
2. Срок сдачи студентом выполненной ВКР:
 - а) на кафедре – 25.06.2020 г.
 - б) в ГЭК – 25.06.2020 г.
3. Исходные данные к работе (*цели и задачи исследования, объект и предмет, методы исследования*)

Цель диссертационной работы: проанализировать семантическое поле концепта «страх», лингвистически смоделировать ситуацию переживания страха и выявить набор признаков, структурирующих концепт «страх» в сознании носителей диалекта.

Задачи:

1. Сформировать теоретико-методологические основания исследования страха в языке.
2. Определить состав слов, репрезентирующих концепт «страх» в диалекте, с помощью методики сплошной выборки из среднеобских словарей.
3. Описать способ концептуализации страха в речи сибирских старожилов.
4. Сопоставить результаты исследований страха в литературном языке и полученные данные говоров в плане специфики языкового кодирования одного и того же фрагмента языковой картины мира в разных субкультурах.

Объектом исследования является лексика, репрезентирующая концепт «страх» в среднеобских говорах.

Предмет исследования – элементы фреймовой структуры в концепте «страх».

Методы исследования: метод научного описания, метод полевого анализа, метод когнитивного моделирования.

4. Краткое содержание работы (*перечень основных разделов, сроки их выполнения и ожидаемые результаты*)

раздел	срок выполнения	ожидаемые результаты
Введение	08.06.2020	описана актуальность, новизна, объект и предмет исследования, цель и задачи,

		материал и методика работы
Теоретико-методологические основы изучения эмоциональных концептов	14.06.2020	изучена и описана история вопроса, дана характеристика метода полевого анализа в аспекте лингвистического моделирования эмоций
Лексика, репрезентирующая концепт «страх» в диалекте	21.06.2020	изучены психологические особенности переживания страха, выделены обязательные и необязательные компоненты структуры фрейма, описаны фразеологические средства репрезентации страха в диалекте.
Заключение	25.06.2020	сделаны общие выводы, описаны результаты, полученные в ходе исследования

5. Указать предприятие, организацию по заданию которого выполняется работа: Томский государственный университет.

6. Перечень графического материала: не имеется.

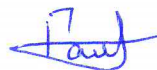
7. Дата выдачи задания «7» ноября 2019 г.

Руководитель ВКР
 профессор
 кафедры русского языка ФилФ ТГУ

Т.А. Демешкина

Задание принял к исполнению

Галанина В.В.

АННОТАЦИЯ

В данной ВКР рассматривается эмоциональный концепт «страх» в диалектной картине мира. Актуальность тематики обусловлена тем, что страх является одной из основных эмоций человека и способен оказывать влияние на его деятельность. Концепт анализируется в рамках концептологии как направления современной лингвистики. В качестве материала использованы данные среднеобских словарей и Томского диалектного корпуса.

Цель работы – выявить набор признаков, структурирующих концепт «страх» в сознании носителей диалекта, и языковые средства его выражения.

Предмет исследования – элементы фреймовой структуры в концепте «страх».

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы.

Работа включает: 67 страниц, 1 рисунок, 2 графика.

Количество использованных источников: 90.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Теоретико-методологические основы изучения эмоциональных концептов	7
Эмоции как объект современного гуманитарного знания.....	7
Эмоции как объект психологии.....	7
Эмоции как объект изучения лингвистическими дисциплинами	13
Понятие концепта	17
Методика описания концепта.....	20
Специфика эмоциональных концептов	23
Эмоциональный концепт «страх»	25
Метод моделирования концепта	28
Выводы по первой главе	30
Глава II. Фреймовая структура концепта «страх»	31
Языковые средства, репрезентирующие концепт «страх» в диалекте	31
Выделение компонентов структуры фрейма	35
Субъект, испытывающий состояние страха.....	37
Источники страха и его лексическая репрезентация в диалекте	39
Фразеологические средства репрезентации страха в диалекте.....	56
Выводы по второй главе	59
Заключение	60
Литература	61

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрическая научная концепция предполагает всестороннее, многоаспектное изучение природы языка и его функционирования в речевой деятельности человека. Человек отразил в языке свой физический облик, психическое состояние, интеллект, отношение к себе и окружающему миру (Н. Д. Арутюнова¹, Ю. Д. Апресян², Т. И. Вендина³, Е. С. Яковлева⁴ и многие другие).

В рамках антропологической лингвистики развивается лингвистическая концептология. Концепт в современном языкознании изучается в двух направлениях: в когнитивной традиции (Ю. Д. Апресян, Е. С. Кубрякова, А. П. Бабушкин, А. Вежбицкая, В. М. Топорова, Р. М. Фрумкина, З. Д. Попова и И. А. Стернин и др.) и культурологической (Д. С. Лихачев, В. В. Колесов, Ю. С. Степанов и др.). В когнитивном направлении акцент делается на познавательной сущности концепта, а в культурологическом – на его культурной значимости. Под концептом в данном исследовании понимается единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания, оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике⁵.

Со сменой научной парадигмы связано возникновение эмотиологии, особой отрасли языкознания, изучающей реализацию эмоций и чувств человека, их отражение в языке и речи. На сегодняшний день накопилось большое количество исследований, связанных с отражением эмоций в языке, с эмоциональными характеристиками слова и текста, эмотивными смыслами и эмоциональными доминантами текста, эмоциональными концептами и метафорами: С. Г. Воркачев, Е. В. Димитрова, С. В. Ионова, Н. А. Красавский, В. В. Леонтьев, Е. Ю. Мягкова, Н. Н. Панченко, В. А. Пищальникова, Я. А. Покровская, Ю. А. Сорокин, О. Е. Филимонова, В. И. Шаховский и другие.

Актуальность предпринятой работы обусловлена прежде всего тем, что ее проблематика находится в русле интересов современного языкознания к исследованию лексики в когнитивном и лингвокультурологическом аспектах. Концептуальный анализ,

¹ Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Культурные концепты. 1991. С. 3–4.

² Апресян В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27–35.

³ Вендина Т. И. Языковое сознание и методы его исследования // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурные коммуникации. 1999. № 4. С. 15–32.

⁴ Яковлева Е. С. О понятии «культурная» память в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 43–73.

⁵ Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова. М., 1997. С. 3–99.

проводимый на диалектном материале, дает возможность выявить особенности языкового выражения страха, отраженные в сознании сибирских старожилов.

Новизна работы обусловлена тем, что способы концептуализации страха анализируются на материале среднеобских говоров.

Объектом исследования является концепт «страх» в диалекте.

Предмет исследования – элементы фреймовой структуры в концепте «страх».

Цель работы: выявить набор признаков, структурирующих концепт «страх» в сознании носителей диалекта, и языковые средства его выражения.

Достижение поставленной цели предполагает решение конкретных **задач**:

1. Сформировать теоретико-методологические основания исследования концепта «страх» в языке.
2. Выявить лексические единицы, репрезентирующие концепт «страх» в диалекте.
3. Описать способ концептуализации страха в речи сибирских старожилов.

Материалом исследования послужила лексика, репрезентирующая концепт «страх» в среднеобских говорах. Материал включает в себя данные Томского диалектного корпуса и среднеобских словарей. Объем контекстного материала составляет около 460 высказываний от 326 старожилов. Количество проанализированных словоупотреблений – более 550.

Единицами анализа являются слова, словосочетания и высказывания, репрезентирующие концепт «страх» в диалекте.

Методологическую базу настоящей работы составили труды: – по проблемам определения концепта и аспектов его изучения: А. Вежбицкая⁶, С. Г. Воркачев⁷, Т. А. Демешкина⁸, Ю. С. Степанов⁹, С. В. Волошина¹⁰, Л. Г. Гынгазова¹¹ и др.; – по полемому

⁶ Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая; [пер. с англ. А. Д. Шмелева]. М., 2001. 210 с.

⁷ Воркачев С. Г. Семантизация концепта любви в русской и испанской лексикографии (сопоставительный анализ) // Язык и эмоции: Сб. науч. трудов. – Волгоград, 1995. С. 125–138.

⁸ Демешкина Т. А. Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта «болото») // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2019. № 62. С. 85–103.

⁹ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов М., 1997. 824 с.

¹⁰ Волошина С. В. Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология – Томск, 2017. С. 28–38.

¹¹ Гынгазова Л. Г. О концепте «воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2006. С. 220–229.

анализу: А. В. Бондарко¹², Е. Г. Которова¹³, З. Д. Попова, И. А. Стернин¹⁴, Е. А. Юрина¹⁵, К.-Е. Зоммерфельдт¹⁶.

Достоверность результатов исследования обеспечивается значительным корпусом материала и применением комплекса традиционных и современных научных методов и приемов изучения проблемы.

Основу методики лингвистического исследования концепта «страх» составляет традиционный метод научного описания, обеспечивающий наиболее полный анализ решаемой проблемы. Для описания концепта используется метод научного описания анализа, который включает приемы контекстуального, компонентного, дефиниционного, количественного анализа, и метод фреймового моделирования. При помощи метода когнитивного моделирования представлена структура концепта «страх». Таким образом, предлагаемые методы и приемы позволяют выявить и изучить механизм концептуализации страха и предоставить достоверные знания, которые будут служить основой дальнейших исследований эмоций.

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что она вносит вклад в развитие этиологии, концептологии, когнитивной диалектологии.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов при разработке научной базы по вопросам концептуализации эмоций, а также в практике преподавания курсов по концептологии. Результаты настоящей работы могут быть использованы специалистами в области социологии, лингвистики, когнитивистики и психологии.

Положения, выносимые на защиту:

1. При описании эмоционального концепта следует учитывать психологические характеристики эмоций, а именно – одновременность их протекания, принципиальное отличие от аффективных состояний и особенностей черт характера, невозможность деления эмоций на вредные и полезные или положительные и отрицательные.

¹² Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка // Вопросы языкознания. 2004. С. 108–114.

¹³ Которова Е. Г. Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации речевых актов // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2013. № 1(1). С. 58–67.

¹⁴ Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М., 2007. 314 с.

¹⁵ Юрина Е. А. Образный строй языка / Е. А. Юрина; науч. ред. О. И. Блинова. – Томск, 2005. 153 с.

¹⁶ Sommerfeldt K.-E. Wesen und Arten funktional-semantischer Felder // Grammatisch-semantische Felder der deutschen Sprache der Gegenwart / Hrsg. Sommerfeldt K.-E. & Starke G. Leipzig, 1984. S. 7–26.

2. Номинативное поле концепта «страх» в среднеобских говорах составляют лексемы *смятение, тревога, опаска, испуг, боязнь, страх, паника, страсть, перепуг, ужас*. Номинанты концепта достаточно условны и часто не отражают особенностей переживания страха.
3. Концепт «страх» строится по типу фрейма, где выделяется источник опасности, создающий условия для переживания страха; сценарий развития ситуации, который направлен на нейтрализацию источника угрозы, и носитель состояния страха, то есть человек.
4. Субъект, испытывающий состояние страха, обычно совпадает с подлежащим в предложении и выражается в использовании личного местоимения я и формы 1 лица единственного числа глаголов. В рассказах о переживаниях другого человека или других людей указывают глагольные формы 2 и 3 лица единственного и множественного числа, личные местоимения *ты, он, она, вы, они*, неопределенное местоимение *некоторый* во множественном числе, определительное местоимение *весь* и глаголы зрения *смотреть, посмотреть*.
5. На источник страха может указывать прямое дополнение при глаголах *опасаться, испугаться, бояться, страшиться* или придаточное изъяснительное предложение с союзом *что*. Источник страха обычно восстанавливается из контекста ситуации.
6. Анализ фразеологических средств выражения концепта «страх» позволяет выявить особенности концептуализации страха в диалекте, которые обусловлены природной спецификой территории и мифологичностью сознания диалектоносителей.

Апробация работы. Основные положения работы апробированы на двух научных конференциях: V и VII Международной научно-практической конференции молодых учёных «Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики» (г. Томск, 2018, 2020), а также отражены в двух публикациях.

Структура работа. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы.

Глава I. Теоретико-методологические основы изучения эмоциональных концептов

1.1. Эмоции как объект современного гуманитарного знания

1.1.1. Эмоции как объект психологии

Как отмечает В. К. Вилюнас, значение проблемы эмоций едва ли нуждается в обосновании: «Какие условия и детерминанты ни определяли бы жизнь и деятельность человека – внутренне, психологически действенными они становятся... если им удастся проникнуть в сферу его эмоциональных отношений, преломиться и закрепиться в ней»¹⁷. Крепкая связь эмоций с человеческой деятельностью обусловила повышенный интерес к их изучению в психологии, философии, социологии и лингвистике.

Психологическая теория эмоций формировалась в трудах Б. Спинозы, В. Вундта, У. Джемса, Э. Клаппарда и многих других. В современной психологии намечается спад интереса к проблеме эмоций в связи с накопившимися неудачами в попытках их объективного изучения. Как указывает В. К. Вилюнас, современные исследования сосредоточены на решении более узкого круга проблем и касаются выражений эмоций и влияния отдельных эмоциональных состояний на деятельность, допускающих разработку при помощи эксперимента¹⁸.

До сих пор не существует единой психологической концепции эмоций. Ее создание и принятие затрудняет как сложность самого объекта исследования, так и отсутствие преемственности между множеством психологических теорий, созданных в различные исторические эпохи. На противоречивость существующих концепций указывает Э. Клапперд: «Психология аффективных процессов – наиболее запутанная часть психологии. Именно здесь между отдельными психологами существуют наибольшие расхождения. Они не находят согласия ни в фактах, ни в словах... Простым перечисление фундаментальных разногласий можно было бы заполнить целые страницы»¹⁹.

Во введении к хрестоматии «Психология эмоций» В. К. Вилюнас выделяет несколько проблем психологической теории эмоций, по поводу которых возникают расхождения у разных философов и психологов²⁰:

1. Условия возникновения эмоций.

¹⁷ Вилюнас В. К. Психология эмоций / В. К. Вилюнас, Ю. Б. Гиппенрейтер. М., 1975. С. 3–29.

¹⁸ Там же. С. 3–29.

¹⁹ Цит. по: Психология эмоций / В. К. Вилюнас, Ю. Б. Гиппенрейтер. М., 1975. С. 93.

²⁰ Вилюнас В. К. Основные проблемы психологической теории эмоций (вступительная статья) // Психология эмоций. М., 1975. С. 3–29.

Психологические концепции эмоций отличаются друг от друга подходом к решению этой проблемы. Как замечает В. К. Вилюнас, обычно признается, что эмоции возникают в случаях, когда происходит нечто значимое для индивида²¹. Расхождения возникают при попытке уточнить характер и меру значимости события, способного возбудить эмоцию. Для В. Вундта и Н. Грота любое воспринимаемое событие является значимым, так как в момент восприятия оно является частью жизни человека. Для Р. С. Лазаруса эмоции возникают только в той ситуации, когда на основе когнитивных процессов производится заключение о наличии некоторой угрозы и невозможности ее избежать. Подобным образом рассуждает Э. Клапаред с той поправкой, что предварительную оценку угрозы в его концепции производят не интеллектуальные процессы, а особый класс эмоциональных явлений – чувства.

Решение вопроса об условиях возникновения эмоций напрямую связано с определением объема понятия эмоции. В. К. Вилюнас пишет, что при широкой трактовке эмоций их возникновение связывается с устойчивыми, обычными условиями существования²². В то время как при узком понимании эмоций они рассматриваются как реакция на более специфические условия, такие как фрустрация потребности, невозможность адекватного поведения, конфликтность ситуации и др.

2. Эмоции и процессы познания.

В. К. Вилюнас выделяет две тенденции в понимании отношений эмоциональных и интеллектуальных процессов²³. В истории психологии, как отмечает учёный, доминировала традиция обособления эмоциональных процессов в отдельную сферу, противопоставляемую сфере познания. При этом существует другая тенденция – признавать при сопоставлении этих сфер первичность и преимущество процессов познания. Крайнее проявление такой традиции получило название интеллектуализма, различные направления которого рассматривают эмоции как свойство или разновидность ощущений, как результат взаимодействия представлений и особый вид познания.

3. Эмоции и процессы мотивации.

Термин мотивация в психологическом словаре, подобно термину эмоция, достаточно условен. М. Арнольд пишет: «Отношение между эмоциями и мотивацией, изображаемое в теоретической литературе, остается совершенно неясным. Хотя снова и снова утверждается,

²¹ Вилюнас В. К. Психология эмоций / В. К. Вилюнас, Ю. Б. Гиппенрейтер. М., 1975. С. 3–29.

²² Там же. С. 3–29.

²³ Там же. С. 3–29.

что эмоции мотивируют, едва ли кто-либо смог выступить и недвусмысленно объяснить, как именно это происходит»²⁴.

В связи с условностью определения двух понятий, как отмечает В. К. Вилюнас, подлинную функциональную интерпретацию эмоции могут получить лишь в контексте отстаиваемого советской психологией положения о необходимом и активном участии субъективных переживаний в регуляции деятельности²⁵. Учёный ссылается на формулировку С. Л. Рубинштейна, утверждающую, что эмоции являются субъективной формой существования потребностей (мотивации). При таком подходе мотивация открывается субъекту в виде эмоциональных явлений, которые сигнализируют ему о потребностной значимости объектов и побуждают направить на них деятельность. Эмоции и мотивационные процессы при этом не отождествляются.

4. Функции эмоций.

Одна из главных функций эмоций – организационная. Эмоции организуют жизнь человека, побуждая его совершать те или иные действия. В. К. Вилюнас раскрывает организационную функцию с помощью особого вида эмоциональных процессов – аффектов. Он пишет: «Одно из функциональных проявлений аффекта заключается в том, что он навязывает субъекту стереотипные действия, представляющие собой определенный закрепившийся в эволюции способ “аварийного” разрешения ситуаций: бегство, оцепенение, агрессию и т. п.»²⁶. В. К. Вилюнас делает вывод, что к эмоциональному разрешению ситуаций приводят не только аффекты, но и более широкий класс эмоциональных явлений.

Теория эмоций Э. Клаппареда подчеркивает дезорганизационную функцию эмоций. Психолог указывает на бесполезность некоторых эмоций и их негативное влияние на деятельность человека: «Бесполезность или даже вредность эмоции известна каждому. Представим, например, человека, который должен пресечь улицу, если он боится автомобилей, он потеряет хладнокровие и побежит. Печаль, радость, гнев, ослабляя внимание и здравый смысл, часто вынуждают нас совершать нежелательные действия»²⁷. В. К. Вилюнас принимает данную характеристику, но настаивает на уточнении параметра вредности и полезности эмоции. Он указывает на зависимость этого параметра от воли наблюдателя и на то, что нарушение деятельности является не прямым, а побочным проявлением эмоции. В

²⁴ Цит. по: Психология эмоций / В. К. Вилюнас, Ю. Б. Гиппенрейтер. М., 1975. С. 12.

²⁵ Вилюнас В. К. Психология эмоций / В. К. Вилюнас, Ю. Б. Гиппенрейтер. М., 1975. С. 11.

²⁶ Там же. С. 13.

²⁷ Там же. С. 94.

связи с этим не может быть оправдано, по словам В. К. Вилюнаса, зародившееся в дискуссиях стоиков и эпикурейцев противопоставление полезности и вредности эмоций²⁸.

Последними рассмотренными нами функциями будут – функция активации и экспрессивная функция. Эмоции активируют вегетативный отдел нервной системы, что приводит к изменениям в состоянии внутренних органов и организма в целом. Внутренняя подготовка организма к действию сопровождается изменениями в пантомимике, мимике, звуковыми реакциями. Как замечает В. К. Вилюнас: «Каково бы ни было изначальное происхождение и назначение этих реакций... в эволюции они развивались и закреплялись и как средства оповещения об эмоциональном состоянии индивида во внутривидовом и межвидовом общении»²⁹. С повышением роли общения у высших животных невербальный язык становится более дифференцированным. С формированием членораздельной речи экспрессивная функция эмоций не потеряла своего значения.

5. Классификация эмоций.

В психологии существует множество классификаций эмоций. Как отмечает В. К. Вилюнас, построение простой линейной классификации исключено в силу многогранности эмоций, их проявления на различных уровнях отражения и деятельности³⁰. Эмоции могут различаться по модальности (качеству), по интенсивности, продолжительности, глубине, осознанности и многим другим показателям. Существующие классификации различаются соотношением своей теоретической и эмпирической обоснованности.

6. Динамика эмоций.

При решении вопроса динамики эмоций выделяют традиционный и современный подходы. В современных концепциях эта проблема практически не оговаривается, так как принято рассматривать эмоциональную сферу как систему независимых реакций на определенные ситуации. При традиционном подходе подчеркивается взаимодействие и взаимообусловленность эмоциональных переживаний.

7. Физиологические механизмы эмоций.

Спорной физиология эмоций стала с появлением «периферической» теории У. Джемса и К. Г. Ланге, которая впервые сформулировала объяснение природы эмоций через физиологию. Их работа стала причиной появления ряда теорий, альтернативных классической концепции эмоций, для которой возникновение эмоций связывалось прежде всего с

²⁸ Вилюнас В. К. Психология эмоций / В. К. Вилюнас, Ю. Б. Гиппенрейтер. М., 1975. С. 14.

²⁹ Там же. С. 17.

³⁰ Там же. С. 18.

физиологическими процессами. В советской психологии эту идею отстаивал С. Л. Рубинштейн³¹.

Помимо перечисленного круга проблем, сложность при изучении эмоций создают и терминологические расхождения. В. К. Вилюнас отмечает, что это связано с неспособностью повседневного языка наиболее полно отразить специфику переживаний человека. Повседневный язык позволяет нам «называть, например, страх эмоцией, аффектом, чувством или даже ощущением или объединять под общим названием чувств такие различные явления, как боль и иронию, красоту и уверенность, прикосновение и справедливость»³². Решение этой проблемы В. К. Вилюнас видит в точном определении признаков, которые могли бы разграничить одни явления от других.

Условность терминологии эмоций в психологии обязывает нас определить объём понятия эмоция и указать, на чью психологическую концепцию эмоций мы ориентируемся. Данная работа основана на психологической концепции П. Экмана и его понимании эмоции. П. Экман считает, что язык не может служить достаточным основанием для разграничения эмоций от аффектов. Любой отдельный язык отражает только те признаки, которые признаются определенной культурой. Язык закрепляет те черты эмоций, которые символически представлены в сознании. Исследователь предлагает определять эмоции, сосредоточив внимание не на языке, а на основе физиологических изменений³³.

П. Экман выделяет следующие 10 признаков эмоции³⁴:

1. Для каждой эмоции существует особый панкультурный сигнал.

Панкультурный сигнал или физиологическая реакция – это необязательный элемент проявления эмоции в концепции П. Экмана. В основе его теории тезис о том, что человек способен контролировать, подавлять и скрывать эмоции, поэтому не всегда мы можем увидеть боится ли человек или вне себя от счастья. Этот признак П. Экман выводит прежде всего для четкого разграничения эмоций от рефлексов и «настроений» (moods – в оригинале). Так, испуг не может быть эмоцией, потому что слишком короток (менее 30 миллисекунд), а значит он не может претендовать на роль сигнала. Многие другие рефлексы, как пишет П. Экман, возникают в частях тела, скрытых от человеческого взгляда, то есть не могут им считываться

³¹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. / Акад. пед. наук СССР. М., 1989. Т. 1–2.

³² Вилюнас В. К. Психология эмоций / В. К. Вилюнас, Ю. Б. Гиппенрейтер. М., 1975. С. 3.

³³ Ekman P. Expression and the nature of emotion // Approaches to emotion / K. Scherer, P. Ekman. Hillsdale, N. J.: Lawrence, Erlbaum, 1984. P. 330.

³⁴ Там же. P. 330–340.

и выполнять свою знаковую функцию³⁵. Настроения, например, раздражительность или враждебность слишком широкие по объёму понятия для эмоции и, главное, они не универсальны и могут проявляться у каждого человека по-своему.

2. Отличительные универсальные выражения эмоций можно проследить филогенетически.

П. Экман соглашается с Ч. Дарвином в том, что мимические выражения эмоций эволюционировали и остаются универсальными у людей, так как являются частью нашей биологической наследственности³⁶. Если какое-то выражение эмоций не может быть прослежено филогенетически, то, скорее всего, оно не является общим для всех людей. Этот вывод учёный делает на основе своих экспериментов. Его попытки найти специфические для какой-либо культуры выражения эмоций потерпели неудачу.

3. Эмоциональные выражения включают множество сигналов, включая голос и мимику.

4. У эмоций определенная продолжительность.

По времени протекания различаются в концепции П. Экмана рефлекс, эмоции и настроения. Эмоции дольше рефлекса, но короче настроения или расстройства.

5. Время конкретного эмоционального переживания отражает его специфику.

П. Экман, У. В. Фризен и С. Анколи нашли доказательства, что длительность эмоционального переживания зависела от силы эмоционального переживания, описанного человеком. П. Экман пишет, что время протекания эмоции может быть связано с природой вызывающего события или с попыткой управлять ее выражением³⁷.

6. Выражения различаются степенью интенсивности, которая зависит от силы переживания.

П. Экман указывает на этот признак, но ставит его под знак вопроса. Эксперименты П. Экмана, У. В. Фризен и С. Анколи не принесли ожидаемых результатов. Учёные не нашли взаимосвязи между силой переживания человека и способами его выражения. При этом нет различий между выражениями эмоций или рефлекса. П. Экман пишет, что ещё предстоит работа по определению, существует ли некая связь между интенсивностью чувства и интенсивностью его выражения³⁸.

7. Эмоция может быть полностью подавлена.

³⁵ Ekman P. Expression and the nature of emotion // Approaches to emotion / K. Scherer, P. Ekman. Hillsdale, N. J.: Lawrence, Erlbaum, 1984. P. 331.

³⁶ Там же. P. 332.

³⁷ Там же. P. 334–335.

³⁸ Там же. P. 335.

8. Эмоциональные выражения могут быть симулированы.

9. В мире существуют общечеловеческие источники эмоций.

П. Экман соглашается с С. Томкинсом, что существует значительная общность в стимулах, которые могут вызывать эмоции. В пример он приводит огорчение при потере близкого человека. П. Экман говорит, что такой опыт, повторяясь из раза в раз, оттачивается и развивается в определенный стимул для каждой эмоции³⁹.

10. Существует общечеловеческий, отличительный паттерн изменений в вегетативной и центральной нервных системах для каждой эмоции.

Исследования вегетативной нервной системы (ВНС) П. Экмана обнаружили специфичную для эмоций активность. Но он замечает, что не стоит называть это состояние эмоцией. Паттерн активности ВНС недостаточен для установления статуса эмоции. Так, активность ВНС происходит с различными явлениями, не считающимися эмоциональными. В пример он приводит боль или сексуальное возбуждение.

На определение эмоции, как утверждает П. Экман, может претендовать явление, которое соответствует минимум трем из описанных им признаков. На основе этого дадим определение эмоции.

Эмоция – это обозначение специфического типа переживания индивида:

- 1) которое обладает особым общечеловеческим сигналом и иногда стимулом,
- 2) выражение которого сформировалось в ходе эволюции и строится на основе голосовых и мимических сигналов,
- 3) обладающее средней продолжительностью в сравнении с рефлексом, настроением и расстройством,
- 4) которое возможно подавить или симулировать,
- 5) протекание которого по-особому отражается на активности ВНС.

1.1.2. Эмоции как объект изучения лингвистическими дисциплинами

Выше мы рассмотрели основные положения и проблемы психологической теории эмоций, теперь обозначим круг вопросов, которым занимается непосредственно лингвистика. Как замечает В. И. Шаховской, лингвистический аспект человеческой эмоциональности стал неотъемлемой частью научных изысканий в разных областях знания⁴⁰.

Антропоцентрическая научная концепция предполагает всестороннее, многоаспектное изучение природы языка и его функционирования в речевой деятельности

³⁹ Ekman P. Expression and the nature of emotion // Approaches to emotion / K. Scherer, P. Ekman. Hillsdale, N. J.: Lawrence, Erlbaum, 1984. P. 337–338.

⁴⁰ Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография / В. И. Шаховский. М., 2008. С. 16.

человека. Единая концепция сближает эти научные дисциплины, приводит к появлению новых отраслей языкознания (лингвокультурология, социальная лингвистика, психолингвистика, этнолингвистика и так далее), возникающих на стыке наук, что и обеспечивает комплексность научных исследований. Процесс этот обусловлен стремлением всесторонне изучить и описать мир, окружающий человека, и мир, который существует внутри него самого. Одним из следствий описываемого научного процесса является возникновение эмотиологии, особой отрасли языкознания, изучающей реализацию эмоций и чувств человека, их отражение в языке и речи и в силу этого связанной в первую очередь с психологией и философией.

Эмотиология находится на пересечении нескольких наук. В. К. Шаховский характеризует ее следующим образом: «Она основывается на данных ряда концепций и теорий эмоций: философской, биологической, когнитивной, психологической, социальной, физиолого-активационной, мотивационной, неврологической, информационной, познавательной, функциональной, энергетической, экзистенциальной, трехфакторной»⁴¹. К основателям эмотологического направления в лингвистике учёный причисляет отечественных лингвистов Э. С. Азнаурову, И. В. Арнольд, С. Б. Берлизон, Е. М. Галкина-Федорук, М. Д. Городникову, В. А. Мальцева, Н. М. Павлову, О. И. Быкову, Н. М. Михайловскую и других.

В лингвистической теории эмоций эмоции по определению включены в структуру сознания и мышления. Эмоции и когнитивные процессы тесно взаимосвязаны и влияют друг на друга. Каждая эмоция имеет свой характерный знак, совокупность которых формирует «семиотику эмоций человека».

Лингвисту, изучающему механизмы концептуализации эмоций в языке, предстоит столкнуться с рядом закономерных проблем, с которыми сталкиваются при изучении эмоций психологи и социологи. Это следующие проблемы.

1. Нет точного ответа, как формируются человеческие эмоции. До сих пор точно не установлена природа эмоций. Пол Экман предлагает различать эмоции врожденные и эмоции, выработанные в социуме⁴². Социальные эмоции (например, страх Бога) обладают национальной спецификой, врожденные эмоции панкультурны (одинаково воспринимаются и проявляются у любого человека или животного).
2. Применение бинарных оппозиций при анализе эмоций. Лингвистические описания эмоций, как правило, строятся на оппозиции положительных и

⁴¹ Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография / В. И. Шаховский. М., 2008. С. 21.

⁴² Ekman P. Basic emotions / T. Dalgleish, M. Power (eds.). // Handbook of cognition and emotion. Sussex, 1999. P. 4.

отрицательных эмоций. Как отмечает В. Ю. Апресян, «в мозгу нет специальной зоны, “обслуживающей” все приятные эмоции и отличной от нее специальной локализации для всех неприятных эмоций»⁴³. Невозможность дифференцировать эмоции только по признаку положительный/отрицательный подтверждается опытами Пола Экмана, связанными с изучением мимических проявлений эмоций⁴⁴.

3. Неадекватность языковой номинации эмоций. Третью проблему мы рассмотрим на примере вербализации концепта «страх», который может быть выражен следующими лексемами: тревога, страх и испуг.

Вопрос, является ли испуг эмоцией или рефлексом, в психологии остаётся дискуссионным. Пол Экман, анализируя состояние испуга, отмечает такие его характеристики, как интенсивность, стереотипные физиологические реакции, определенная продолжительность переживания, которые присущи и эмоциям [3. С. 328]. Учёный отмечает, что испуг отличается от эмоций легкостью возникновения и невозможностью контролировать его. Быстрый и легкий характер возникновения испуга часто передается в словарных статьях с помощью лексем «внезапный» и «неожиданный».

В фрагментах Томского диалектного корпуса испуг встречается в трех значениях: испуг как болезнь (*От тоски, от испуга. От испуга – ребятишек маленьких лечила*), испуг как рефлекс (*Упал так я, наверное, с испугу-то, испугался, как подскочил*) и испуг как сильное состояние страха (*А теперь вас посади, вы и не сумеете, испуга'тесь. А мы не боялись*).

Иногда человек называет состояние сильного страха, пережитое им, испугом. Человек, испытавший сильный страх, в поисках адекватного выражения этой силы переживания, выбирает слово *испуг* для обозначения своего состояния. Лексема *страх* в языке обозначает переживание, которое менее интенсивно в сравнении с тем же испугом, ужасом или паникой. Чтобы отличить в контексте испуг-страх от испуга-рефлекса, надо обратить внимание на продолжительность протекания переживания (рефлекс мгновенен) и реакцию человека (сознательный поступок характерен для эмоции).

Выражение состояния испуга как рефлекса в контексте сопровождается глаголами мгновенного или однократного действия (*подскочить, бьют, взбрыхнул, рванул, выскочить, побросать*), переносом собственного состояния на животных или сравнение себя с животным

⁴³ Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 35.

⁴⁴ Ekman P. Expression and the nature of emotion // Approaches to emotion / K. Scherer, P. Ekman. Hillsdale, N. J.: Lawrence, Erlbaum, 1984. P. 324.

(*конь тоже испугался, как испуганна курица*), подчеркиванием иррациональности собственного состояния, выражающееся в глаголах мыслительной деятельности в отрицательных конструкциях (*не знаю, куда бежать, чё делать*) и формах сослагательного наклонения (*если бы я в своих руках, то я бы его убил, конечно; я бы развернулся*).

Состояние испуга как страха протекает дольше, поэтому и проявления его помещены в более объемный контекст, истории человека о таком состоянии часто складываются в целый рассказ с завязкой, кульминацией и развязкой, в действии которого человек принимает активное и сознательное участие. В таких контекстах лексема «испуг» может встраиваться в синонимический ряд страшиться и бояться: *А теперь вас посади, вы и не сумеете, испуга'тесь. А мы не боялись*.

Эти рассказы построены по следующей схеме: X был в безопасности – X почувствовал угрозу для жизни – X, боясь за собственную жизнь, принял решение обеспечить себе безопасность – X не удалось обеспечить собственную безопасность: *Они как поехали, стрелять-то нача'ли, а солдат-то испугался, давай ко мне стукаться. «Открывай, хозяйка». Ну открыла, что делать. Говорю: «В чём дело? — Дак стреляют*.

Слово *тревога* в языке указывает на такую особенность эмоционального переживания как «смешанность». Страх переживается человеком сразу с несколькими эмоциями, отсюда, во-первых, возможность передачи состояния страха лексемами тревога, смятение и беспокойство в контекстах; во-вторых, многозначность понятий «тревога», «смятение» и «беспокойство» в языке. В рамках психологии тревога не рассматривается как определенная эмоция, это скорее определенный тип настроения, который «вбирает» в себя несколько эмоциональных состояний. Преобладание определенного эмоционального состояния, например, страха, позволяет конкретизировать переживание тревоги до определенной эмоции.

Например, возникновение страха отличает наличие опасности. Так, Пол Экман, рассуждая об эмоциональных стимулах, пишет, что «предшествующим событием для страха является физический или психологический вред»⁴⁵. Если слово тревога подчеркивает наличие опасности, то это указывает на тревогу с преобладанием страха: *Мы грузили обратно, что нам нужно, постоянные сирены, постоянная тревога*. Отделить тревогу как настроение (общее эмоциональное состояние) и тревогу как переживание страха (или другой эмоции) можно с помощью анализа контекста, который позволит выделить характеристики, присущие эмоции, а не аффективным явлениям: наличие стимула, типичные физиологические проявления, краткая продолжительность.

⁴⁵ Ekman P. Basic emotions / T. Dalgleish, M. Power (eds.). // Handbook of cognition and emotion. Sussex, 1999. P. 53.

Чтобы избежать неточностей при анализе языкового материала, при описании концепта мы учитываем:

- 1) одновременность протекания эмоций: поэтому нельзя исключать лексемы тревога, беспокойство или смятение из семантического поля концепта «страх»;
- 2) отличие эмоций от аффективных состояний и особенностей черт характера: чтобы чётко представлять характеристики этих явлений и чувствовать неадекватность языкового воплощения эмоциональных состояний;
- 3) неприемлемость бинарной оппозиции при характеристике эмоций как явлений психических: отдавать себе отчёт, что оппозиция эмоций строится прежде всего на социальных представлениях, и сознательно применять эти оппозиции.

1.2. Понятие концепта

В связи с выдвиганием антропоцентрической научной парадигмы характерной особенностью современной лингвистики является исследование языка в тесной связи с человеком, его сознанием, познанием окружающей действительности и его практической деятельностью⁴⁶. Проблема соотношения языка и мышления решается в рамках когнитивного концептологического направления.

Как утверждают З. Д. Попова и И. А. Стернин, на настоящий момент именно концепт является ключевым понятием когнитивной лингвистики⁴⁷. Однако, несмотря на признание существования концепта научным сообществом, общепринятого толкования термин концепт до сих пор не имеет. Это связано прежде всего с спецификой самой категории концепта. Принадлежность концепта сфере человеческого мышления объясняет междисциплинарность его изучения. Сегодня, помимо множества лингвистических интерпретаций, существуют исследования концепта в рамках философии, логики, психологии и культурологии.

На данном этапе развития языкознания выработано множество определений и методов описания концепта в рамках того или иного направления когнитивной лингвистики.

Так, представители культурологического направления (Ю. С. Степанов) исследуют концепт как элемент культуры, используя при этом данные разных наук. Язык в таких исследованиях не играет ключевой роли и выступает лишь одним из источников знания о концепте.

Представители лингвокультурологического направления (В. И. Карасик, С. Г. Воркачёв, Г. Г. Слышкин, Г. В. Токарев) исследуют концепты как элементы национальной лингвокультуры с их связью с национальными ценностями и национальными

⁴⁶ Сурина В. Н. Понятие концепта и концептосферы // Молодой учёный. 2010. № 5. С. 43.

⁴⁷ Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М., 2007. С. 21.

особенностями этой культуры⁴⁸. Недостатком этого направления является игнорирование индивидуальной природы концепта, признание ценностной составляющей за большинством концептов, не поддающихся оценке (временные и пространственные), отказ в статусе концепта некоторыми исследователями концептам, не связанным непосредственно с исследуемой этнокультурой.

В рамках логического направления (Н. Д. Арутюнова, Р. И. Павилёнис) анализируют концепт, используя методы логики.

Сторонники семантико-когнитивного подхода исследуют лексическую и грамматическую семантику языка для выхода к содержанию концепта (Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, Е. В. Рахилина, Е. В. Лукашевич, А. П. Бабушкин, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Г. В. Быкова).

Первое определение содержанию концепта в отечественной науке дал С. А. Аскольдов-Алексеев. Он определил концепт как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода (концепты растение, справедливость, математические концепты)⁴⁹.

Д. С. Лихачёв говорит о заместительной функции концепта и рассматривает его как обобщенную мыслительную единицу, которая отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка, что позволяет преодолевать при языковом общении «не существенные, но всегда существующие между общающимися различия в понимании слов»⁵⁰. Концепт, по Д. С. Лихачеву, возникает в результате «столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека»⁵¹.

Е. С. Кубрякова предлагает такое определение концепта: «Концепт - оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке»⁵².

⁴⁸ Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж, 2007. С. 12.

⁴⁹ Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Вып. II. 1928. С. 4.

⁵⁰ Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 1993. Т. 52, №1. С. 150.

⁵¹ Там же. С. 151.

⁵² Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова. М., 1997. С. 90.

С. Г. Воркачѐв определяет концепт как «операционную единицу мысли»⁵³, как «единицу коллективного знания (отправляющую к высшим духовным сущностям), имеющую языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой»⁵⁴.

М. В. Пименова отмечает, что «человек знает, считает, представляет об объектах внешнего и внутреннего мира и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира»⁵⁵.

В. В. Красных определяет концепт как «максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные»⁵⁶.

З. Д. Попова и И. А. Стернин дают следующее определение концепту: «Дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету»⁵⁷.

Все приведѐнные определения, несмотря на различия между ними, характеризуют концепт как объѐмную в смысловом отношении единицу мышления или памяти, в сжатом виде репрезентирующую культуру конкретного народа. Для исследования концепта «страх» на материале среднеобских говоров нами было принято определение концепта, данное З. Д. Поповой и И. А. Стерниным.

На материале среднеобских говоров описан целый ряд концептов различной природы: концепт «душа»⁵⁸, концепты «жизнь» и «смерть»⁵⁹, концепт «воля»⁶⁰, концепт «Сибирь»⁶¹,

⁵³ Воркачѐв. С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачѐв. М., 2004. С. 43.

⁵⁴ Там же. С. 51–52.

⁵⁵ Введение в когнитивную лингвистику / М.В. Пименова [и др.] ; под ред. М.В. Пименовой. Кемерово, 2004. С. 8.

⁵⁶ Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. С. 272.

⁵⁷ Попова З.Д. Когнитивная лингвистика. Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М., 2007. С. 24.

⁵⁸ Гынгазова Л. Г. Концепт «душа» в языке диалектной личности // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Новосибирск, 2004. С. 151–155.

⁵⁹ Гынгазова Л. Г. Концепты «жизнь» и «смерть» в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2003. С. 103–111.

⁶⁰ Гынгазова Л. Г. О концепте «воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2006. С. 220–229.

⁶¹ Волошина С. В. Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. Томск, 2017. С. 28–38.

концепт «работа»⁶², концепт «богатство»⁶³, концепт «медведь»⁶⁴, концепт «честь»⁶⁵, концепты времени⁶⁶, концепт «лес»⁶⁷ и концепт «болото»⁶⁸, концепт «ссылка»⁶⁹ и другие.

1.3. Методика описания концепта

Цель концептологического анализа – описание концепта как ментального образования, элемента концептосферы лингвокультурного сообщества⁷⁰.

Существует множество методик концептологического анализа, разработанные как в рамках известных лингвистических школ, так и в рамках авторских исследований.

В. И. Карасик предлагает анализировать лингвокультурные концепты через ряд следующих последовательных процедур⁷¹:

- 1) семантический анализ слов, называющих имена концептов;
- 2) этимологический анализ слов-репрезентантов концепта, направленный на определение их мотивирующих признаков;
- 3) семантический анализ переносных, ассоциативных значений слов, номинирующих концепты;
- 4) интерпретативный семантический анализ контекстов, в которых реализуются слова и словосочетания, обозначающие и выражающие концепты;
- 5) интерпретативный культурологический анализ ассоциаций, связанных с определённым концептом;

⁶² Волошина С. В. Концепт «работа» в женских автобиографических рассказах сибирских старожилов: константы и трансформация / С. В. Волошина, М. А. Толстова // Вестн. Том. гос. ун-та. Томск, 2017. С. 12–18.

⁶³ Волошина С. В. Репрезентация концепта «богатство» в диалектном дискурсе: константы и трансформации / С. В. Волошина, М. А. Толстова // Вестн. Том. гос. ун-та. Томск, 2018. С. 17–28.

⁶⁴ Волошина С. В. Репрезентация понятийного слоя концепта «медведь» в диалектном дискурсе // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме. Гомель, 2019. С. 114–117.

⁶⁵ Банкова Т. Б. Концепт «честь» в «Словаре сибирских обрядов» // Образ человека в картине мира. Новосибирск, 2003. С. 211–217.

⁶⁶ Калиткина Г. В. «Годы» как имя темпоральных концептов в традиционной культуре // Вестн. Том. гос. ун-та. Томск, 2009. С. 16–23.

⁶⁷ Толстова М. А. Репрезентация аксиологического слоя концепта «лес» в диалектном дискурсе // Славянские языки и культуры в современном мире. Гомель, 2019. С. 132–138.

⁶⁸ Демешкина Т. А. Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта «болото») // Вестн. Том. гос. ун-та. Томск, 2019. С. 85–103.

⁶⁹ Демешкина Т. А. «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры // Вестн. Том. гос. ун-та. Томск, 2018. С. 34–46.

⁷⁰ Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований / О. А. Леонтович. М., 2011. С. 87.

⁷¹ Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. М., 2009. С. 32.

- б) интерпретативный анализ ценностно-маркированных высказываний (поговорок, афоризмов, цитат), которые выражают определённые концепты;
- 7) анализ коротких сочинений, написанных информантами на тему, соответствующую содержанию изучаемого концепта;
- 8) анализ ассоциативных реакций информантов на вербальные обозначения концепта.

В процессе анализа необходимо учитывать номинативную плотность концепта, под которой В. И. Карасик понимает «неравномерную концептуализацию различных фрагментов действительности»⁷², находящую отражение в количестве номинантов соответствующего концепта.

В рамках школы профессора М. В. Пименовой разработан метод дефиниционно-компонентного анализа, который представлен в работах Н. П. Сидоровой. С помощью данной методики осуществляется выявление понятийных признаков на базе анализа сем языковой единицы – репрезентанта концепта.

Исследование концепта происходит в несколько этапов⁷³:

- 1) анализ мотивирующих признаков репрезентантов концептов;
- 2) выявление понятийных признаков концепта путем описания лексического значения слова-репрезентанта концепта посредством определения его семантических компонентов;
- 3) определение оценочных признаков;
- 4) изучение символических признаков концепта;
- 5) определение способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующих лексем: исследование концептуальных метафор и метонимии;
- б) описание полной структуры исследуемого концепта.

Комплексная методика семантико-когнитивного направления исследования концептов разработана З. Д. Поповой и И. А. Стерниным и включает следующие этапы⁷⁴:

- 1) построение номинативного поля концепта;
- 2) анализ и описание языковых средств, входящих в номинативное поле концепта;

⁷² Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. М., 2004. С. 111.

⁷³ Сидорова Н. П. Сопоставительный анализ структур и способов актуализации русского и английского концептов луна и moon: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. П. Сидорова. Волгоград, 2010. 23 с.

⁷⁴ Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М., 2007. С. 160.

- 3) когнитивная репрезентация описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу;
- 4) верификация полученного когнитивного описания у носителей языка;
- 5) описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков.

Результат применения комплексной методики – построение модели концепта, то есть представление его содержания в виде полевой структуры в словесной или графической форме. Для примера приведём графическую модель Н. А. Пасковой⁷⁵.

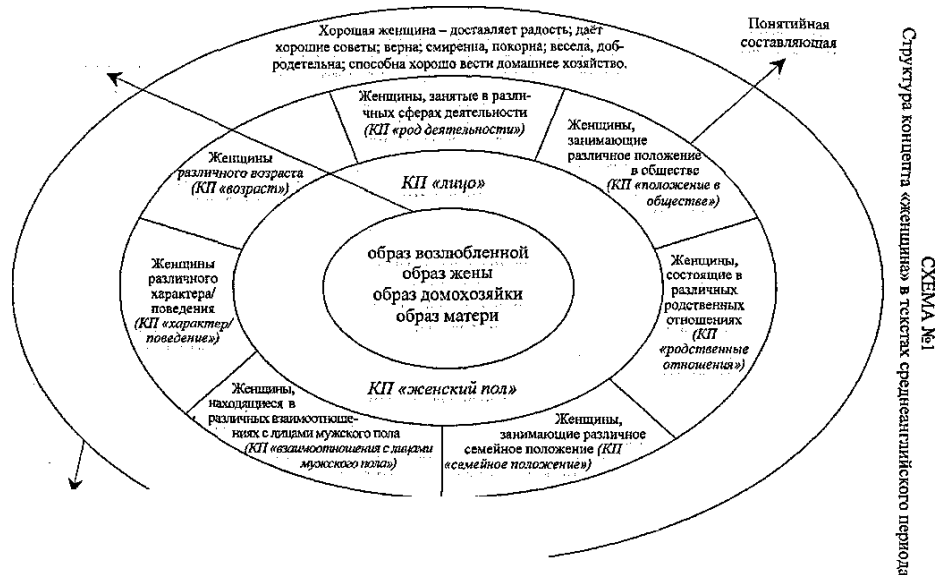

Рис 1 – Структура концепта «женщина».

При этом, как отмечают рецензенты «Антологии концептов», семантико-когнитивное описание модели концепта вариативно и не претендует на исчерпываемый результат в силу своего интерпретационного характера.

В основе нашего анализа концепта «страх» использована методика З. Д. Поповой и И. А. Стернина с несколькими поправками:

1. В силу специфики материала исследования для построения номинативного поля концепта будут использованы не экспериментальные методы, а статистические методы для определения частотности употребления того или иного слова.
2. Верификацию полученного когнитивного описания у носителей языка невозможно провести, так как материал исследования фиксирован письменно

⁷⁵ Паскова Н. А. Концепт «женщина» в текстах среднеанглийского периода: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Н. А. Паскова. Иркутск, 2004. 20 с.

и собирался в течение многих лет. Опрос носителей диалекта также затруднен в связи с поиском диалектоносителей.

1.4. Специфика эмоциональных концептов

Содержание понятия эмоциональный концепт неодинаково понимается различными исследователями. Так, В. И. Шаховский считает, что «концепт, в отличие от понятия, облигаторно имеет эмоциональную окрашенность, т.е. все концепты эмоциональны»⁷⁶.

Н. А. Красавский определяет эмоциональный концепт как «этнокультурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, ментальное, как правило, лексически и / или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия образ, культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы (в широком смысле слова) мира, вызывающие пристрастное отношение к ним человека»⁷⁷.

Одним из дискуссионных вопросов в изучении эмоциональных концептов является вопрос их универсальности. Так как большинство эмоциональных концептов отражают переживание человеком тех или иных чувств или эмоций, то они признаются универсальными и присущими любой национальной культуре. Однако исследователям ещё не удалось привести исчерпывающих доказательств в пользу одинаковости переживаний эмоций всеми народами. При этом универсальность не предполагает совпадения концепта по форме, объёму и качеству эмотивных смыслов. Так, по мнению В. И. Шаховского, в языке есть множество примеров, указывающих на неоспоримое существование психологических различий между национальными культурами, в особенности по шкале эмоционально-оценочной маркированности⁷⁸.

Абстрактность эмоционального концепта, преимущество невербального выражения тонких оттенков человеческих переживаний, расплывчатые границы внутри дефиниций различных эмоций представляют определённую трудность изучения эмоциональных концептов. С другой стороны, эти специфические признаки легли в основу бинарной оппозиции эмоциональных и рациональных концептов в языке. Однако, как отмечает И. А. Широкова, подобное деление достаточно условно⁷⁹.

⁷⁶ Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография / В. И. Шаховский. М., 2008. С. 311.

⁷⁷ Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография / Н. А. Красавский. Волгоград, 2001. С. 47.

⁷⁸ Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография / В. И. Шаховский. М., 2008. С. 289.

⁷⁹ Широкова И. А. Особенности структуры эмоционального концепта и его изучение в аспекте перевода. // Актуальные вопросы филологических наук: материалы междунар. науч. конф. Чита, 2011. С. 162–165.

На сегодняшний день не существует общепринятой теории эмоций ни в психологии, ни в психолингвистике, ни в лингвистике. Сложность создания такой теории состоит в том, что эмоции вытекают чаще из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, нежели из самой действительности⁸⁰. Для получения объективной картины мира при изучении эмоционального подхода необходима разработка междисциплинарного подхода в рамках единой концепции.

В реальном общении паралингвистические (вербальные и невербальные) действия человека выступают в комплексе. М. В. Маркина представляет вербализацию репрезентации эмоций следующим образом⁸¹:

- 1) описание эмоционального состояния, в состав которого входит «субъект состояния» и «эмоциональный признак»;
- 2) описание вербального выражения эмоции (эмотивно-оценочная лексика);
- 3) описание невербального выражения эмоции.

Она же выделяет ряд свойств, характеризующих эмоциональные состояния, а именно: статичность, временный характер, неконтролируемость и ненаблюдаемость. Идентифицируются эмоциональные состояния по внешним признакам.

Структуру системы репрезентаций эмоционального концепта М. В. Маркина предлагает представлять следующим образом:

- 1) устойчивые выражения, используемые для описания конкретной эмоции в данном языке, систематизируются в концептуальные категории (то есть в системы концептуальных метонимий, метафор и родственных концептов);
- 2) концептуальные категории систематизируются в когнитивные модели, среди которых, как правило, одна является прототипичной, а остальные – отступлениями от прототипа.

Эмоциональный концепт сохраняет свойства культурного концепта, но «отличается дополнительными эмотивными, ценностными и оценочными характеристиками»⁸². Это обусловлено тем, что оценка – это онтологическое свойство человека, который при познании окружающей действительности не может обойтись без оценки предметов и явлений.

⁸⁰ Маркина М. В. Лингвокультурологическая специфика эмоционального концепта «гнев» в русской и английской языковых картинах мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Маркина. Тамбов, 2003. С. 165.

⁸¹ Там же. С. 165.

⁸² Там же. С. 165.

Для описания диалектной картины мира наиболее важным является то, что эмоциональные концепты, наравне с другими лингвоментальными структурами, являются убедительным и наглядным маркером этнокультурной специфики языкового сознания как индивидуума, так и социума в целом.

1.5. Эмоциональный концепт «страх»

Эмоция страха, с точки зрения языковой объективации и описания невербальных проявлений переживания данной эмоции, привлекала внимание многих исследователей.

В отечественной лингвистике предпринимались попытки толкования страха посредством метаязыка⁸³, проводился анализ фразеологических единиц, отражающих физиологическое проявление страха на материале русского языка⁸⁴, проводился сопоставительный анализ фразеологических единиц английского и русского языка⁸⁵, рассматривались фонационно-просодические, мимические и жестовые маркеры страха в различных культурах⁸⁶, страх рассматривался как составная часть эмоциональной концептосферы немецкого и русского языков⁸⁷, английского и русского языков⁸⁸.

Ключевой работой для нас является работа С. В. Зайкиной в «Антологии концептов», а также автореферат ее кандидатской диссертации «Эмоциональный концепт “страх” в английской и русской лингвокультурах».

С. В. Зайкина дает следующее определение эмоции страха: «Страх – это эмоциональное переживание, которое присуще любому человеку вне зависимости от его культурной принадлежности, продолжительное или кратковременное, поддающее градации по степени интенсивности, сопровождающееся различными психосоматическими

⁸³ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М. А. Кронгауз / М. А. Кронгауз. М., 1996. 416 с.

⁸⁴ Феоктистова А. Б. Когнитивные аспекты семантики идиом, обозначающих чувства состояния: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Б. Феоктистова. М., 1996. 17 с.; Семенов Н. Н. Лингвокультурологическое описание структуры и семантики паремий: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Семенов. Белгород, 2002. 24 с.

⁸⁵ Кадачиева Х. М. Репрезентация концептов гнев и страх в английских и русских пословицах / Х. М. Кадачиева, П. М. Омарова // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2016. С. 28–33.

⁸⁶ Крейдлин Г. Е. Русские жестовые фразеологизмы III: Отражение наивной этики в невербальном и вербальном кодах // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 341–352.

⁸⁷ Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. Волгоград, 2001. 462 с.

⁸⁸ Зайкина С. В. Страх // Антология концептов. Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград, 2005. С. 247–268.

симптомами, использующееся в качестве средства манипуляции, перебивающееся в комплексе с другими эмоциональными состояниями»⁸⁹.

Исследователь рассматривает связь страха с другими эмоциями и отмечает, что эмоция страха часто сопровождается отрицательными эмоциями «триады враждебности» (отвращением, предчувствие боли). При низкой степени интенсивности страх сопровождает переживание положительных эмоций (любовь, интерес). Социальный тип страха связан с растерянностью, уважением и стыдом. Страх связан с удивлением/изумлением в силу причины порождения страха – «нечто странное и необъяснимое».

С. В. Зайкина выделяет родовые и дифференциальные семантические признаки страха.

1. Родовые образуют понятийное ядро концепта «страх»:
 - a. эмоциональное чувство / состояние;
 - b. реакция на опасность;
 - c. негативное / отрицательное.
2. Дифференциальные являются основанием для градации лексических средств номинирования концепта:
 - a. продолжительность;
 - b. интенсивность;
 - c. манипуляция / воздействие на человека.

С. В. Зайкина выделяет ряд специфических черт, характерных для концепта «страх» в сознании русского человека⁹⁰:

1. Семы «тяжёлый», «легко поддающийся страху», «сопровождающийся сомнением, недоверием» являются культуроспецифическими семантическими признаками страха в русском языке.
2. В русском языковом сознании страх-болезнь мыслится как тяжёлое, неизлечимое заболевание, ведущее к временной парализации организма.
3. Фразеологизация концепта «страх» отсылает к физиологическому переживанию страха, при этом приоритетными признаками являются «выражение глаз», «временная неспособность видеть, дышать, говорить», «равномерное покрытие органов человеческого тела».

⁸⁹ Зайкина С. В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах: сопоставительный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Зайкина. Волгоград, 2004. 28 с.

⁹⁰ Там же.

4. Осмысление страха в русском языковом сознании осуществляется посредством концепта «душа». Переживание страха представляет собой глубокое, мучительно чувство, затрагивающее душу.
5. В русском языке предлагается активный способ переживания страха, направленный на избавление от него или снижение его интенсивности.
6. Русская лингвокультура проявляет терпимость, склона к прощению и оправданию трусости, при этом иронично относится к показной храбрости.

И. А. Вотякова⁹¹ выделяет характерные признаки страха на основе анализа семантики глагольных сочетаний со словом «страх», прямым номинантом концепта:

- 1) движение / отсутствие движения;
- 2) сильная / слабая интенсивность;
- 3) краткое / длительное проживание страха;
- 4) жизнь (частичный контроль человека страхом) / смерть (полный контроль человека страхом);
- 5) способность преодолеть, породить, показать, скрыть, понять страх и избежать его.

Подобно С. В. Зайкиной, она отмечает побудительную функцию страха, его функционирование в качестве причины какого-либо действия или состояния.

А. Е. Бочкарёв в статье «О способах выражения страха в русской языковой картине мира»⁹² подходит к описанию страха с позиции пропозициональной модели. Он реконструирует основные сценарии в русской языковой картине мира по модели каузальной импликации:

$A \wedge \text{чувство страха} \wedge B$, где А – причина, В – следствие, а \wedge - «влечёт».

Несмотря на большой интерес лингвистов к концепту «страха», в российских исследованиях диалектные особенности концепта не получили достаточного освещения. Изучение концепта «страх» на диалектном материале обычно проводится в рамках сопоставления двух лингвокультур, и диалект рассматривается в качестве структурного компонента национального языка. Анализ концепта «страх» на его базе не является главной задачей исследователей⁹³.

⁹¹ Вотякова И. А. Концепт «страх» в русском языке // Вестник Удмуртского университета. Вып. 4. Ижевск, 2004. С. 179–183.

⁹² Бочкарёв А. Е. О способах и средствах выражения страха в русской языковой картине мира // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2016. Том 14. №3 С.5–14.

⁹³ Зайкина С. В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах: сопоставительный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Зайкина. Волгоград, 2004. 28 с.

1.6. Методы моделирования концепта

Концепт может быть вербализован отдельными словами и словосочетаниями, фразеологическими единицами, предложениями и целыми текстами. Для передачи конкретного концепта, который связан с устойчивым чувственным образом, достаточно значения отдельного слова, активизирующего данный образ. Но при усложнении выражаемых смыслов используются целые словосочетания и предложения. Часто один и тот же концепт может быть передан различными языковыми средствами. Некоторые концепты передаются с помощью целого текста или ряда произведений одного или нескольких авторов, так как требуют осмысления большого количества ситуаций, отражающих взаимосвязанные аспекты таких концептов.

Как уже упоминалось, психологи и философы подчеркивают условность номинации аффектов в языке. Б. Спиноза утверждает, что обозначения аффектов возникли скорее из обыкновенного словоупотребления, чем из точного их познания, так как язык не отражает то огромное количество существующих аффектов⁹⁴. В. Вундт объясняет это тем, что качества всех аффектов неизменны вне зависимости от содержания, поэтому сильные аффекты в человеческом восприятии очень похожи. Он пишет, что словесные обозначения аффектов, подобно названиям чувств, обозначают не какие-либо индивидуальные процессы, а имеют смысл родовых понятий, каждое из которых обнимает значительное число отдельных душевных волнений, отмеченных известными общими признаками⁹⁵. У. Макдауголл, говоря о сложных чувствах (надежда, тревога, раскаяние), подчеркивает, что это не отдельно существующие явления, поэтому каждое из названий, употребляемое нами для описания такого рода чувств, обозначает, пожалуй, просто плохо очерченную часть широкого диапазона, который в целом может обнаружиться в процессе удовлетворения любого сильного желания, независимо от его природы и происхождения⁹⁶.

Концепт как ментальная единица может быть раскрыт через анализ средств его языковой объективации. Важной характеристикой концепта является его номинативная плотность (термин В. И. Карасика). Под номинативной плотностью понимается степень детальности языковой репрезентации определенного концептуального пространства, «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемую»⁹⁷. В зависимости от количества когнитивных

⁹⁴ Приводится по: Психология эмоций / В. К. Вилюнас, Ю. Б. Гиппенрейтер. М., 1975. С. 29–47.

⁹⁵ Психология эмоций / В. К. Вилюнас, Ю. Б. Гиппенрейтер. М., 1975. С. 47–64.

⁹⁶ Там же. С. 103–108.

⁹⁷ Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М., 2007. С.111.

номинаций номинативное поле концепта может обладать высокой или низкой номинативной плотностью.

Высокая номинативная плотность концепта свидетельствует об актуальности осмысления той или иной сферы действительности для конкретного сообщества, ее чрезвычайной важности для практической деятельности народа; о древности концепта и его ценностной значимости в связи с этим; о коммуникативной релевантности концепта, то есть необходимости обсуждать его, обмениваться данной концептуальной информацией в конкретном социуме.

З. Д. Попова и И. А. Стернин перечисляют языковые средства, которые могут входить в номинативное поле того или иного концепта и обеспечить его описание в процессе лингвокогнитивного исследования:

- 1) прямые номинации концепта (ключевое слово-репрезентант концепта, которое избирается исследователем в качестве имени концепта и имени номинативного поля, и его системные синонимы);
- 2) производные номинации концепта (переносные, производные);
- 3) однокоренные слова, единицы разных частей речи, словообразовательно связанные с основными лексическими средствами вербализации концепта;
- 4) симиляры;
- 5) контекстуальные синонимы;
- 6) окказиональные индивидуально-авторские номинации;
- 7) устойчивые сочетания слов, синонимичные ключевому слову;
- 8) фразеосочетания, включающие имя концепта;
- 9) паремии;
- 10) метафорические номинации;
- 11) устойчивые сравнения с ключевым словом;
- 12) свободные словосочетания.

Под номинативным полем учёные понимают совокупность языковых средств, объективирующих (вербализирующих, репрезентирующих) концепт в определенный период развития общества⁹⁸.

Номинативное поле концепта «страх» составляют следующие лексемы: смятение, тревога, опаска, испуг, боязнь, страх, паника, страсть, перепуг, ужас. Большая часть из них условны. В словарных статьях Вершинского словаря под редакцией О. И. Блиновой и

⁹⁸ Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М., 2007. С. 47.

Толкового словаря русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова не отмечается аффективная сторона испуга, а в Новом словаре русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой и Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой оказываются очень близки по содержанию *паника* и *испуг*. Толкования лексем *страх*, *испуг* и *боязнь* совпадают в Вершининском словаре.

В связи с условностью обозначений страха в языке мы выбрали методiku полевого анализа. Под семантическим полем мы понимаем «множество слов, объединенных общностью содержания»⁹⁹. Значение слова при таком подходе, как отмечает М. А. Кронгауз, определяется не как самостоятельная единица, а как совокупность отношений с другими значениями. Этот подход позволит избежать расплывчатости значений слов, обозначающих эмоции. Мы ограничились минимальным описанием поля, цель которого описать семантику слов с точностью до их различий.

Для семантического поля концепта «страх» интегральным семантическим признаком будет – <угроза для субъекта, исходящая из некого источника>.

Среди дифференциальных признаков мы выделили следующие:

- 1) интенсивность: <слабая> и <сильная>;
- 2) объективированный источник угрозы: <есть> и <нет>;
- 3) продолжительность: <мгновенно>, <средняя продолжительность>, <длительно>.

1.3. Выводы по первой главе

Междисциплинарный характер эмотиологии, в рамках которой создана эта работа, предопределил для нас выбор комплексного подхода при описании концепта «страх» в диалекте. Наш анализ основывается на психологической теории эмоций П. Экмана, в основе которого признается первичность физиологических невербальных проявлений эмоций над вербальными. Недостаток информации об обозначении страха в языке мы компенсируем объемом контекстного материала и спецификой самого жанра записей – автобиографического рассказа. Информанты рассказывают о себе, о своих близких, о том, что наиболее их волновало когда-то и волнует в настоящий момент, то есть о том, что неизбежно затрагивает эмоциональную сферу их восприятия.

⁹⁹ Кронгауз М. А. Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / М. А. Кронгауз. М., 2005. С. 130.

Глава II. Фреймовая структура концепта «страх»

2.1. Языковые средства, репрезентирующие концепт «страх» в диалекте

Из эмоциональной оценки происходящего, с биологической точки зрения, вытекает побуждение человека к действию. Отрицание побуждающей природы эмоций, как считает В. К. Вилюнас, означает признание значительного и необъяснимого психического несовершенства¹⁰⁰. Способность страха влиять на деятельность человека проявляется на языковом уровне в тесной внутритекстовой связи с глаголами движения и действия (*уйти, убежать, поехать, стать* в значении «застыть, замереть», *не знаю, что делать, отойти, повлияет страх*), с отрицательными конструкциями, когда предшествующее или возможное действие прерывается под влиянием страха (*огонь не клась, чё моих испугался; не спугну, чтобы не возражал; ничё не передавали, потому что боялись, запрещено же было всё; боялась порчи, не ругалась с ними, которые умели; на больших зверей не ходили. Боялись, наверное*), выражается винительным падежом с обстоятельственным значением причинности: *он с испугу обосрался ночью, лезет куда попало.. с перепугу*.

Эмоциональные состояния сопровождаются специфическими изменениями в пантомимике, мимике, звуковыми реакциями. Чарльз Дарвин указывает на то, что эмоции развивались и закреплялись как средства оповещения об эмоциональном состоянии индивида во внутривидовом и межвидовом общении. Эмоциональная экспрессия по-прежнему не потеряла своего значения и обеспечивает невербальную коммуникацию. Страх, подобно остальным эмоциям, сопровождается множеством физиологических реакций: учащение сердцебиения, расширение зрачков, бледность и другое. Говоря о страхе, человек фиксирует физиологические изменения, происходящие в его организме: *с испугу обосрался, как зареву, так смотреть-то боязно*. Биологическое переживание страха находит широкое отражение среди образных единиц: *сердце испугалось, тошнешенько, труситься, болит сердечко, голова болит, трястись, волос дыбом становиться, волосы на голове стоят, кожу дерёт, одеть холодом, руки повесились, дать как огнём по сердцу*.

Эмоции различаются по модальности (качеству), в частности по интенсивности и продолжительности. Дифференциация страха по интенсивности происходит в языке при помощи частицы *так* в значении «обозначение сильной степени проявления какого-либо состояния» (*я так испугалась, я так его испугалась, мы коменданта не так боялись, болела весной так боялась*), наречия *шибко* (*испугалась шибко, я боялась шибко*), междометия *ох* (*испугалась шибко, ох шибко; ох, он её боялся*), наречия *очень* (*уж очень мы за наших-то*

¹⁰⁰ Вилюнас В. К. Психология эмоций / В. К. Вилюнас, Ю. Б. Гиппенрейтер. М., 1975. С. 14.

боялись, боялись мы очень), сравнительных конструкций (*как испуганна курица, не так боялись, как где-то, боялись, как кыски бича*), использования образных выражений (*девки были! муху боялись*), усилительной частицы *пря́м* (*пря́м боязно, пря́м страшно*), винительного падежа обстоятельственного значения степени (*испугались до ужаса*), наречия *сильно* (*испугалась сильно*).

Также для переживания страха важен темпоральный показатель, что выражается в способности некоторых глаголов с семантикой страха, например, глагола бояться, образовывать формы всех трёх времён (прошедшего, настоящего и будущего): *с ночёвкой и не боялись вот; боюсь чё-то мужиков этих; перемены две дадим, будет он бояться*. Временной промежуток также задают конструкции с фазовыми глаголами (*бояться стали, не стали бояться белых*), наречия *тогда* и *раньше* (*его тогда боялись, тогда вот не боялась, я раньше не боялась, раньше боязно было*), наречие *теперь* (*теперь боюсь*).

Аффективная природа страха проявляется в внутритекстовой связи с динамично-моментальными глаголами (*подскочить, выскочить, убежать, побросать борона, выстрелить, рвануть, баякнуть, взбрыхнуть*). Такое действие совершается человеком одновременно с протеканием эмоции, не осмысливается им, а возникновение неожиданного события, повлекшего испуг, не связано с предыдущими действиями человека: *Еду, даже внимания не обращаю, не лесом, дорога – и всё, он как хряпнет из-за сосны на меня. Упал так я, наверное, с испугу-то*.

Побуждение к действию, физиологическое проявление, интенсивность и темпоральность, аффективность – это родовые качества страха как эмоции, которые по-разному отражаются в лексике, репрезентирующей данный концепт.

10 лексических единиц могут потенциально номинировать концепт «страх»: смятение, опаска, испуг, боязнь, страх, паника, страсть, перепуг, ужас и тревога. Единицы выбраны посредством сплошной выборки из Вершининского словаря¹⁰¹.

Анализ лексического значения этих 10 лексем свидетельствует о выстраивании градационного ряда явлений, в котором *испуг, боязнь и страх* оказываются дублетами, а *тревога* и *смятение* наиболее общими понятиями с размытыми границами. Это в целом соответствует теории тревожного ряда явлений Ф. Б. Березина¹⁰². Под «тревожным рядом явления» подразумевается «эмоциональные состояния, закономерно сменяющие друг друга по мере возрастания и нарастания состояния тревоги». Он выделяет 6 уровней интенсивности тревоги, где 3-й уровень – это собственно тревога, 4-й уровень – страх, 5-й – ужас, а 6-й –

¹⁰¹ Вершининский словарь: в 7 т. / О. И. Блинова. Томск, 1998. Т. 1–7.

¹⁰² Большой психологический словарь / Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб., 2003. 672 с.

паника. При этом тревога проявляется в переживании неопределенной угрозы, чувстве неясной опасности, а страх проявляется в опредмечивании, конкретизации этой неопределенной опасности.

Объективирование источника угрозы проявляется в способности лексем *страх*, *боязнь*, *тревога* образовывать форму множественного числа: *много страхов*, *не знали, что это боязни*. Однако в отличие от *тревоги* определения при слове *страх* имеют более конкретное значение: *тревога за будущее*, *житейские тревоги*, *страх наказания*, *страх смерти*. Определения носят конкретно-бытийный характер, актуализируя единичное событие из жизни человека, в то время как *тревога* связана с целым комплексом явлений. *Смятение*, *паника*, *испуг*, *перепуг* и *опаска* исключены из парадигмы множественного числа, то есть обладают подчеркнуто абстрактным, обобщенным значением.

Наличие объекта проявляется в явлении переходности для глаголов *опасаться*, *испугаться*, *бояться*, *страшиться*. В семантике глаголов *опасаться*, *страшиться*, *бояться* уже заложена сема объекта: «избегать чего-либо из предосторожности, остерегаться»; «испытывать страх перед кем-либо, чем-либо»; «испытывать чувство страха перед чем-либо, кем-либо, находиться в состоянии страха». Эти глаголы могут иметь при себе прямое дополнение: *В тот лес идите. Некого опасаться. А сейчас никого не опасаются. А сейчас... живых боюсь людей. Не бойся, гыт, смерти, бойся старости. Нечего её страшиться*. Глагол *испугаться* также может иметь при себе дополнение, выраженное винительным падежом, без предлога, но это не частотное явление. Из 29 случаев объект актуализируется только в 3: *чѐ моих испугались; я испугался, что человека убили* (изъяснительное придаточное в позиции объекта); *я так его испугалась*. Чаще он выступает, наряду с глаголом *тревожиться*, в качестве глагола состояния, это одноместный предикат, не требующий дополнительной пропозиции для объекта: *Вот эдак вот тревожусь. По лекарство поедет. Треложится. Чѐ вы? Испугались. А солдат-то испугался*. Источник страха обычно восстанавливается из предыдущего контекста: *Они как поехали, стрелять-то начали, а солдат-то испугался. Они говорят, зверь стоит, аккурат спиной. «Чѐ вы? Испугалис?» - спрашиваем*.

Слово *испуг* в ряду лексем чаще всего выражает аффективную сторону страха. Глагол *испугаться* – это предельный глагол, который способен образовывать формы только прошедшего времени: *Сиди, чѐ испугалась-то? Как испуганна курица*. Это единственный глагол совершенного вида в «тревожном ряду». Это мгновенно возникающее переживание, протекающее в сравнительно короткий период. В этот момент субъект не способен отразить природу страха и совершает, казалось бы, бессмысленные и даже вредные действия: *Потом схватила вот так же банку, выскочила, как испуганна курица – не знаю, куда бежать, чѐ делать. Куда? Ну она тычить-то, конечно, не будет, а он испугался. Ну*

испугался и убежал. Побег из пространства, где субъект впал в состояние страха, – это то стереотипное действие, аффективная реакция, которая сложилась в результате эволюции для разрешения наиболее встречающихся затруднений. Но аффективные реакции оправданы в типичных биологических условиях, например, встреча с более сильным хищником или избегание физического контакта с слабыми, заболевшими особями: *На Кавказе-то малярия шибко трясла. Дети наших соседей помирать стали. Испугались мы, дети могут не вынести, и уехали оттуда в Донбасс.* Аффект дезорганизует деятельность человека, мешает выполнять ему его социальную функцию: *как нам сказали «машины», мы с испугу борона побросали; солдат-то испугался, давай ко мне стукаться. Говорю, - вот тебя поставили, вот и стой.* Аффект – это предел интенсивности чувства, что отражается в явлении омонимии. Под испугом в диалекте понимается «нервно-психическое расстройство, появившееся в результате испуга». Переживание испугавшегося настолько сильно, что он может впасть в болезненное состояние: *От испуга детей лечат, поят её детей. Лечат им от испуга. Чертополоха – это от испугу детей.* Эта болезнь сопровождается потерей контроля над собственным телом: *«Так от в армию не берут: он обоссывается».*

Этимологический анализ, проведенный на материале словарей М. Фасмера¹⁰³, Н. М. Шанского¹⁰⁴ и Г. П. Цыганенко¹⁰⁵, показал, что номинация переживаний страха не отражает во всей полноте явление страха. Человеческое сознание отливалось в языковых формах те составляющие эмоционального переживания, которые успевало зацепить и отрефлексировать.

Прежде всего, это наличие источника состояния, угрозы, опасности. Оценка ситуации с точки зрения безопасности / небезопасности отражает слово «тревога». Тревога, как указывает М. Фасмер, вероятно, этимологически связана с отвагой, которая произошла из польск. *odwaga, odważny, odważyć się, odważyć* «взвесить, отвесить». Слово «опаска» актуализирует идею «небезопасного пространства», оно родственно с словен. *pásti, pásem* «подстергать, наблюдать, стеречь, насти», чеш. *pásti, pasu* «пасти, сторожить».

Концептуализация осуществляется через метафоризацию конкретных явлений, переносом явлений из внешней сферы во внутреннюю, из физической в эмоциональную. Например, развитие глагола *бояться* могло развиваться так: <бить> > <устрашать боем, побоями> > <вызывать страх> > <страшиться>, <бояться>. То есть произошёл перенос с конкретной угрозы в действительности на более абстрактный уровень.

¹⁰³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964–1973. Т. 1–4.

¹⁰⁴ Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка Московского университета. М., 1963–1982.

¹⁰⁵ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. Киев, 1970. 597 [2] с.

Примитивное человеческое сознание фиксировало те стереотипные действия, которые помогали когда-то выживать в опасной для индивида ситуации. Так, глагол *пугать* связан с словен. *rodíti* «гнать», чеш. *ruditi* «побуждать, подстрекать», словц. *ruditi'*, польск. *rudzić* «гнать», что отражает один из «аварийных» разрешений ситуации, отмеченных советским психологом А. Н. Леонтьевым¹⁰⁶, а именно бегство.

Эмоции неразрывно связаны с физическими ощущениями. Ф. Крюгер¹⁰⁷, описывая состояние ужаса, замечает: «Мы переживаем и испытываем его [ужаса] значение, и именно наше собственное тело оказывается тем, что конституирует это значение». Первоначальное значение «оцепенение» у слов «страх» и «страсть» связано с возникновением у человека ощущения холода при переживании страха. Озноб, чувство холода – это типичный физиологический симптом человеческого страха.

Таким образом, можно предположить, что концепт «страх» строится по типу фрейма, где чётко выделяется:

- 1) источник опасности, создающий условия для переживания страха;
- 2) сценарий развития ситуации, который направлен на изменение, превращение опасного пространства в безопасное;
- 3) носитель состояния страха – субъект, который переживает определённые ощущения с большей или меньшей интенсивностью в определённый промежуток времени.

2.2. Выделение компонентов структуры фрейма

При описании концепта «страх» мы опираемся на работу М. Минского «Фреймы для представления знаний». Как отмечает Ф. М. Кулаков, в своей теории М. Минский отказался от попыток формировать модель внешнего мира на основе разрозненных, отдельных фактов или понятий¹⁰⁸. Центральным моментом концепции М. Минского учёный называет утверждение о том, что любая машинная модель, отражающая сложности реального мира, должна строиться в виде достаточно большой совокупности определенным образом сформированных данных – фреймов, представляющих собой модели стереотипных (часто повторяющиеся) ситуации.

¹⁰⁶ Леонтьев А. Н. Эмоции / А. Н. Леонтьев, К. В. Судаков // БСЭ. 3-е изд. М., 1978. Т. 30. 631 с.

¹⁰⁷ Крюгер Ф. Сущность эмоционального переживания // Психология эмоций: Тексты. / В. К. Вилюнас, Ю. Б. Гинненрейтер. М., 1984.

¹⁰⁸ Кулаков Ф. М. Приложение к русскому изданию // Минский М. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. М., 1979. С. 124.

Фрейм представляет наиболее характерные ситуации, принадлежащие одному классу. Как пишет Ф. М. Кулаков, в своей теории М. Минский не проводит границы между теорией человеческого мышления и теорией построения «думающих» машин (искусственного интеллекта): «Он полагает, что процессы человеческого мышления базируются на хранящихся в его памяти материализованных, многочисленных запомненных структурах данных – фреймах, с помощью которых человек осознает зрительные образы (фреймы визуальных образов), понимает слова (семантические фреймы), рассуждения, действия (фреймы-сценарии), повествования и т.д.»¹⁰⁹ Процесс понимания, по теории М. Минского, сопровождается активизацией в памяти соответствующего фрейма и согласованием его с текущей ситуацией.

Если отталкиваться от тезиса, что эмоциональная сфера крепко связана с когницией, интеллектуальной сферой, то можно предположить, что и данные об эмоциональных реакциях, сильных эмоциональных переживаниях тоже будут сохраняться в памяти в виде фреймов. Переживание человеком страха больше всего подходит под описание фреймов-сценариев в теории М. Минского.

Фрейм-сценарий, по М. Минскому, представляет собой типовую структуру для некоторого действия, понятия, события. Например, фрейм-сценарий для свидания, состоящего в встрече двух возлюбленных, включает следующие элементы: место (кафе, ресторан, театр, кино, парк), одежда (праздничная, романтическая).

В работе Р. Шенка и Р. Абельсона¹¹⁰ предлагается отождествлять элементы фрейм-сценарий с наиболее характерными вопросами, обычно связанными с этой ситуацией. Приведем пример из художественной литературы [НКРЯ]:

«Чего испугался?!» — Я боюсь выпустить джина из бутылки, — сказал Виктор Петрович Коле¹¹¹.

<объект>+<состояние> - <субъект>+<состояние>+<объект>

Обозначения состояния субъекта и объекта, источника угрозы, достаточно для того, чтобы выстроить ситуацию переживания страха. Это стоит принимать с пониманием того, что

¹⁰⁹ Кулаков Ф. М. Приложение к русскому изданию // Минский М. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. М., 1979. С. 124.

¹¹⁰ Schank R., Abelson R. Scripts, Plans and Knowledge, Advance Papers of Fourth Intern. Joint Conf. on Artif. Intell., 1975, # 2, p. 151-157. [Русский перевод: Труды IV межд. конф. по искусств. интеллекту, т. 6. М.: Научн. совет по компл. пробл. «Кибернетика» АН СССР, 1975, С. 208–220].

¹¹¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электрон. дан. – М., [б.г.]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.06.2020); Б. Сарнов. Юра Красилов творит чудеса // Пионер. 1969. № 8–10.

большую часть информации о своих эмоциях мы выражаем через невербальные сигналы, поэтому костяк фрейма страха строится всего на трёх элементах – это субъект, состояние субъекта и источник угрозы. Остальные элементы фрейма, описанные нами, необязательны.

2.2.1. Субъект, испытывающий состояние страха

Носителем состояния страха может быть человек любого возраста и пола. Отдельно следует поговорить о страхе, переживаемом ребёнком. Как пишет И. А. Горьковая, чрезмерно выраженные страхи могут привести к нарушениям развития у ребёнка¹¹². В речи старожиллов Среднего Приобья используется *испуг, спуг*. По суеверным представлениям, это болезненное состояние, вызванное злым духом или сглазом, выражается у детей в постоянном плаче, бессонице и страхах¹¹³.

Девяти'льник. Редко его найдёшь. От испугу. Вот попьёшь – всё проходит. Заваривать как чай.

Ну, вот от тоски она лечила, заговором она от тоски лечила и от испуга она лечила. От тоски, от испуга. От испуга – ребятишек маленьких лечила.

Состояние страха стало «визитной карточкой» этой болезни. Испуг-болезнь может поразить и взрослого человека:

Парень в армию не взяли: он обоссывался. Ну, чё-то такое было на него напушено что ли. Одна бабка его позвала. Елизавета. Я хорошо её знаю. Мы жили рядом. Она гыт: «Ко мне сёдня Ванька придёт лечиться».

В большинстве контекстов носителем страха является сам информант, рассказчик истории. Это выражается в использовании личного местоимения я и формы 1 лица единственного числа глаголов.

И в Кривошеино когда ходила оттудова с пенсией; идёшь, денег много, и отсюдава из магазина со мной отправляли в госбанк. [И не боялись?] И не боялась. Вот честно слово не боялась. Теперь вот как подумаю, ху, теперь бы уже обобрали бы и всё, а тогда вот не боялась. Почему так – не знаю, или помоложе была.

Второй по частотности – это рассказ о переживаниях других людей (родных, близких, соседей). Информант может причислять себя к ним или, наоборот, отделять себя от них:

¹¹² Горьковая И. А. Страхи у детей и их преодоление / И. А. Горьковая // Педиатр. 2014. № 3. С. 128.

¹¹³ Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием) / [Н. А. Агапова, С. В. Волошина, Т. А. Демешкина и др.; под ред. М. М. Угрюмовой] ; Нац. исслед. Том. гос. ун-т. Томск, 2018. 198, [1] с.

Я и не слышал про неё, ей не пужали, а говорили: «Боженька накажет». Все и боялись, верили. Церковь была, ходили туда, соблюдали посты', я вот помню, мама мне до тех пор не давала есть утром, пока моле'нья не кончатся.

Знаешь, как мы ездили верхом? Я вот, например, родила'сь zde'ся, в посёлке Толмачёво, и вот в Парабель всегда верхом ездили. Да ешио с ребятами впогон'ку, кто обгонит . А теперь вас посади, вы и не сумеете, испуга'тесь. А мы не боялись. Только бы попалась лошадь – сейчас в стремя, там и поехали.

На рассказ о переживаниях другого человека или других людей указывают глагольные формы 2 и 3 лица единственного и множественного числа, личные местоимения *ты, он, она, вы, они*, неопределенное местоимение *некоторый* во множественном числе, определительное местоимение *весь* глаголы зрения *смотреть, посмотреть*.

Переживать страх может некий обезличенный персонаж – герой сказки Ванька.

[Сказка 2] У одного крестьянина было два сына. Младший не хочет ничего делать. «Пока не научусь бояться, не буду работать», — говорил он отцу. Заехал как-то дьякон к ним. Отец ему [дьякону] и говорит про своё горе. «Я его выучу бояться», — заверил отца дьякон.

Такой персонаж – это не обычный человек, он наделяется рассказчиком природным мужеством, отвагой, стойкостью, способностью преодолеть любой страх. Ванька преодолевает страх смерти:

Пришёл Ванька к виселице и стал готовиться к ночлегу: развёл костёр и греется. А ветер холодный, пронизывает до костей. Мертвецы качаются, виселица скрипит.

Преодолевает он и страх неведомого, не боится колдовства:

Видит Ванька два кота в дальней стороне дворца, громадные коты... «Замёрзли, бедные. Ну, идите, погрейтесь». Коты не постеснялись и уселись на скамейку. Ванька ушёл от работы и говорит им: «Нет, я вас приглашал к костру, а скамейку уж освободите». Те продолжают сидеть. Ванька рассердился и начал их мотузить.

Негативный образ кошки тут возникает в фольклоре о ведьмах и колдуньях, где кошки считаются приближенными сатаны, ассоциируются с сатанинскими оргиями, считаются воплощением самого дьявола¹¹⁴.

За преодоление страха Ванька получает награду, достойную героя. В сказке подчеркивается позитивное значение преодоления страха и последствия трусости (в данном контексте – смерть).

¹¹⁴ Трессиддер Д. Словарь символов / Джек Трессиддер; Пер. с англ. С. Палько. – М., 1999. 443, [5] с.: рис.

Вот ведёт старик его в подземелье, там они нашли три бочки с золотом. Разделили: одна – Ваньке, другая – королю, третья – старику. Здесь и женился Ванька на царевне и стал жить в этом дворце, а нечистая сила исчезла.

2.2.2. Источники страха и его лексическая репрезентация в диалекте

А. Кемпинский, анализируя состояние и причины страха, даёт следующую психологическую квалификацию страхов¹¹⁵. Первая группа – биологический страх, который связан с инстинктом самосохранения, либо с сохранением жизни другого. При возникновении первого случая, как отмечает М. В. Чуркина, реакцией является желание побега и борьбы, для второго случая свойственно альтруистичное поведение. Вторая группа – социальные страхи, которые появляются у людей постепенно в процессе преобразования биологических страхов. М. В. Чуркина пишет, что проявление социальных страхов связано с исторической реальностью, обычаями, традициями общества и статусом самого человека¹¹⁶. Третью группу страхов, для А. Кемпинского, образуют моральные страхи, порождающие внутреннюю цензуру, «которая также усваивается в ходе взаимодействия с другими людьми в процессе социализации». Человек испытывает моральный страх, когда понимает, что его поведение не соответствует принятыми нормам и этическим принципам. Четвёртая группа состоит из дезинтеграционного страха, являющегося реакцией на появление внезапного и непредвиденного раздражителя.

Мы упростили классификацию А. Кемпинского и разделили страхи на биологические и социальные по способу их усвоения.

Естественные страхи можно наблюдать как у человека, так и у животных.

1. К естественным страхам мы относим страх перед стихией, например, страх воды и страх перед огнём или пожаром. Формула: <субъект> <боится> <стихия>.

[Скажите, вы боитесь воды? На реке плавать, ходить?] Ну, когда молодая-то была, какой страх, ездили и купались и, ну как уж, не лезли куда не надо-то, а так нормально всё ничё. Ну как не опасно около воды, конечно, опасно.

Надо там печка ставить, а дерево – опасно ставить - загорит.

На воде тоже опасно. Кабы не утонуть.

¹¹⁵ Цит. по Чуркина М. В. Социальные страхи современного российского общества // Вестник ИрГТУ. Иркутск, 2012. № 6. С. 268–273.

¹¹⁶ Чуркина М. В. Социальные страхи современного российского общества // Вестник ИрГТУ. Иркутск, 2012. № 6 (65). С. 271.

Болот много и такие есть болота'. Вот уйдешь вот так вокруг тебя, прямо садится, зыбучее такое, идёшь, оно вот так качается как на пери'не или как на сетке, на пружи'не. Она'сно, страшно.

2. Вторым естественным страхом, который мы выделяем, является перед хищником или более сильным соперником. Формула: <субъект> <боится> <того, что сильнее субъекта>.

Несмотря на то, что деревенская жизнь обычно протекает невдалеке от леса, встреча с диким животным обычно запоминается как невероятное, уникальное событие. Диких животных отпугивает запах человека и шум его деятельности, встреча с ним редка и вызывает, в большинстве случаев, чувство сильного, неконтролируемого страха.

Кода' рожь поспет, вечером, твякают, воют, подтявкуют. Аж было ехать опасно. Было полста, не меньше. Не стало их, куды-т девались. А то были, прямо не дай бог.

Я так испугалась стала пришла. Вот така' шишка лежит да вот така' толшины, ешо' жива была, всё рот-то разевала. Я говорю: "Ты её как из сети-то достал? Она же тебе бы руки искусала". – "А я ей гыт весло в рот заткнул". Вот така' прямо вот така'! Ну восемь! А е'то ешо' мало, они как-то в сете' добывали, двадцать три килограмма была шишка. Вот така' была голова, вся исстреляна: из ружья кто-то стрелял и убить не мог! Ага, таё.

Страх перед силой оппонента может становится боязнью мужчин для женщины. Биологически мужчины обладают более развитой, чем у женщин, мышечной системой и более высоким ростом. Более крупный соперник подсознательно вызывает страх. Вспомните, например, кошек, которые выгибают спину, чтобы казаться крупнее и прогнать соперника с территории.

Я сама замужем так была, немного, всё одна щас живу. Боюсь чё-то мужиков етих. Вчара'сь вышла на улицу часов в двенадцать, смотрю, мужик какой-то, не наш сидит у Маньки под окном, смотрю, мужик-то нездеиный, я прямо опешила. Зашла к Вовке, говорю, пошли ко мне ночевать, там мужик какой-то, боюсь его. Он-то мне: «Почто к тебе я пойду. Напридумашь чего попало». Я так его испугалась.

У меня там сестра работала. Я прямо к ей приехала, и вот меня взяли поваром. Посмотрел он на меня и говорит: «Я тебя забираю на кухню к себе!» А я никого не знаю и говорю: «Ой, я боюсь!» «Не бойся!» – ну, мужчина был повар. Поработала месяц, а потом он, там лагеря были.

Ну как я пойду? Пешком от Томска. Не знаю. Ну, всё-таки я с ним согласилась идти. Лошади были, ну так, кода' устали, сядешь, сидишь. Ну и поехали. Я мужиков боялась, вот, сами знаете. Ну и вот доехала кое-как.

3. Страх, связанный с агрессией.

Ф. Н. Ильясов рассматривает страх как пусковой механизм, запускающий агрессивное поведение. Он пишет: «При уменьшении или дефиците ресурсов возникают негативные переживания... проявления страха порождают соответствующие переживания и отношения: раздражение, неприязнь, вражда, злость, ненависть, гнев, ярость»¹¹⁷. Страх потерять женщину можно интерпретировать как страх потерять власть, контроль над чем-то. Страх вызывает агрессивное поведение мужчины: *строгости у меня было в доме.*

Вот писят лет мы прожи'ли, он у меня, конечно, такой... и строгий, и... и строгий. Я не скажу, что я была красавица, ну, симпати'чна была я, хоро'шенька была. Он как бы, боялся, чтоб меня кто-то бы не увёл, ээ, в общем, э, строгости у меня было в доме. Я по одной плашечке ходила, на другую не заглядывала, конечно, вот. Выбирала выражения, у нас никогда, чтобы я там маты каки'-то или чего-то. И вот так вот как-то.

Двухвалентный глагол *бояться* присоединяет к себе придаточное изъяснительное предложение и вводит таким образом второго актанта – женщину. Относительное местоимение *что* присоединяет к главному предложению структуру с трёхвалентным глаголом *увести*.

мужчина + боится + что ► ◄ кто-то + уведёт + женщину + у него

Смещение агрессии и страха ведёт к усложнению структуры фрейма, вводя в него дополнительного субъекта.

4. Угроза жизни ребёнка.

Страх потери ребёнка биологически объясняется необходимостью выживания потомства. Этот страх сильнее выражен в женских текстах. Единично встречается в мужском тексте, в фрагменте, где дедушка не уследил за маленьким внуком.

Как и прошлый источник страха, описание пережитой тревоги или страха за детей обладает усложненной структурой:

мужчина + боится + что ► ◄ ребёнок + [глагол-связка есть] + в опасности

Усложнение фрейма происходит через смену направления источника угрозы. В отличие от других страхов, угроза жизни и благополучию индивида направлена не на самого рассказчика, а на третье лицо, сторонний объект, не осознающий угрозы для самого себя, то есть не переживающий чувство страха.

От мы испугались: чем его накормили. [смеётся] Он рыбку кусочек съел. А-а... [на вдохе] Ох, я жене на работу звоню, вот, так и так. Она говорит: «Там «Димедрол» в бутылочке – в ложечку и дай выпить». Пять минут – всё прошло. Ну мы [смеётся] с соседом а-а... [на вдохе] всё, капец. Ох испугались тогда. От так.

¹¹⁷ Ильясов Ф.Н. О соотношении агрессии и страха // Социальные исследования. 2017. С. 62–69.

До двенадцати лет мы сено ва'живали. Поедем ешо в стайку, чтоб со скотиной управляться. Мы с крестной Верой поедем куда-нибудь, а она боится, что я замёрзну. Так в э'тим коробу' едем, а этот ко'роб на дровнях. Она от меня ко'ней погоняет во всю мочь, а я бегу за лошадьми. Это я счас понимаю, что она это специально делала. Боялась, как бы я не помёрзла. А я думала: зачем это она меня мучит? Она всё это не в волю делала.

В Салагире я сначала уборщицей работала, потом охранницей. Сижу, бывало, с винтовкой на крыльце, а за спиной слышу ходют, выслеживают, на месте или нет. А винтовка-то сроду не стрелят. Это всё в войну было. Я всё сижу, а сама боюсь не за себя, а за детей. Убьют – с кем они останутся. Прихожу к начальнику и говорю: «Уберите меня отсудова». Тогда' заместо меня уборщицу поставили. Её через шесть дней и убили. Как чувствовала прям.

«Это знаешь чё, – говорит, – если мне в город ехать, а ведь дочка ненормальна, дак одну её боязно оставить». Дак я говорю: «Кто её съест-то? Она пускай корову в день пасёт, а ты в день-то вернёшься». Говорит: «Нет, не поеду, не поеду».

А мои дети хто где? Аж страшно стано'витса. По свету раски'даны, как кукушки.

5. Страх перед неожиданным действием. Формула: <субъект> <боится> <чего-то> <что быстро и неожиданно произошло>.

Много фрагментов описывают рефлекс на неожиданное действие. Для описания своего состояния информанты обычно используют слово *испуг*. В классификации А. Кемпинского этот страх относится к дезорганизационным.

Еду, даже внимания не обращаю, не лесом, дорога – и всё, он как хряпнет из-за сосны на меня. Упал так я, наверное, с испугу-то, испугался, как подскочил, так с саней, так – бякнет, так взбрыхнул, остался, конь тоже испугался, ну рванул от него бежать. Если бы я в своих руках, то я бы его убил, конечно. Давай от него вполне убежать, то как бы он меня не убил, а в то время у меня ружьё с собой. Я бы развернулся – только вот тебе и всё было бы.

Рябок – самый вкусный, маленький, а мясо белое. Раньше, говорят, при Христе, рябчик был здоровый, с быка, он как Христа увидел, вспорхнул и Христа испугал. А Христос и говорит: «Раздай всем птицам своего белого мяса». С тех пор рябчик маленький.

- б. Страх смерти. Формула: <субъект> <боится> <за свою жизнь>.

Как пишет А. А. Комлев, страх смерти уже нельзя считать чисто врожденным страхом¹¹⁸. Это феномен сугубо человеческой психики как совокупности всех психических явлений и процессов, феномен человеческого сознания как высшего этапа развития психики и продукта общественно-исторического развития. Он формируется в процессе биосоциального

¹¹⁸ Комлев А. А. О природе страха смерти: история вопроса и гипотезы // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2000. С. 36–41.

развития человека и социально обусловлен. А. А. Комлев подчеркивает важную роль СМИ, художественной литературы и телевидения в формировании у человека страха смерти.

Они как поехали, стрелять-то нача'ли, а солдат-то испугался, давай ко мне стукаться. «Открывай, хозяйка».

Потом при Колчаке был. Ездили, орудья развозил. Мороз был. Колчак был. И наши здешни бы. Сорок пять дён там были. У меня четыре брата, не едут, а я поехал. Войте, не войте, а поеду. Смерти боялись. Заберут, куда пойдёшь, всё равно к ним.

Приведенные фрагменты касаются времени Гражданской войны. Для сибирского старожила не характерен страх смерти. Напротив, отсутствие страха смерти позитивно оценивается. Возможно, это связано с низким уровнем влияния СМИ для населения деревни.

Я всегда говорю. Дед всё у меня говорит... ха, а чё, говорит, смерти бояться! Смерть, гыт, всё равно найдёт, хоть где. И вот правда. Щас... и смерти не надо бояться. Так что хоть где найдёт! А если уж не смерть... [Это точно.] если уж не смерть, дак и правда. Хоть как выживешь.

7. Ксенофобия или страх перед неизвестным. Формула: <субъект> <боится> <чего-то> <что ему неизвестно>.

В. Р. Дольник пишет: «Из всех форм коллективного поведения людей самое отвратительное – почти не знающая запретов агрессия против особей своего вида – биологическая основа такого загадочного и неисправимого явления человеческого сообщества, как взаимоистребительная война»¹¹⁹. Страх чужого объясняется биологически, он передается из поколение в поколение с генами. Как замечает В. Р. Дольник, появление или приближение другой особи своего или чужого вида, если ее намерения не ясны, вызывает настороженность – легкую форму страха, а если намерения не проясняются, страх возрастает¹²⁰. Высокий уровень страха, вызванный чужим, рискует перерасти в агрессивность.

К чужим в сибирской деревне относятся некровные родственники, коренные народы Сибири, цыгане и городские жители.

Вот так он не женился, дедушка у нас. Он говорит: «Нет, я своих сыновей выращу сам, чтобы они не видали горя с этой мачехой...» – всё боялись неродной матери. И так он не женился, дед Сергей.

Мы э'венков увидели и испугались до ужасу. Счас стали лучше одеваться.

Своих узнаешь по звуку телеги. Или обласо'к стукнет, свои едут... Один раз сижусь, своих жду. Настя двери открыла, а я боюсь. Слезла, дверь приоткрыла, села на окно, она опять открыла, а третий раз открыла, я как зареву, боялась...

¹¹⁹ Дольник В. Р. Homo militaris. Статья первая // Знание – сила. 1994. № 1. С. 127.

¹²⁰ Там же. С. 128.

«Не-не-не-не. Я болею, я, девчат, гриппую». [смеётся]. Да боится, она боится. Это точно, девяносто лет ей, представьте себе. Она... она вечно всегда закрыта и даже почтальонка и то не может к ней достучаться.

Как к Томскому подъезжают, тятя говорит: «Сечас у больших ворот, кото'ры дверь в город отворяют, сидит цыга'нка соплива, она тебя обнимать-цаловать будет». Я боялась шибко, спряталась в одежу в телегу да и уснула. Проснулась, отец будит, говорит: «Вставай, приехали. Уже Томска».

Замуж уходили и женились руцки с руцкими, а щас кому как угодно. За татарина, так за татарина, за немца, так за немца. Я девкой была, дак татаров боялись. Приедут татары все: «Татары! Татары приехали!» Ранше страшны, страшны они были. Может, конину ели, потому страшны. Таперь не брезгают никого. За кем угодно замуж. Много здесь всяких было, и росейских, и мордвов.

8. Страх перед змеями или в целом пресмыкающимися. Формула: <субъект> <боится> <змей>.

Д. С. Делош относит страх перед змеями или герпетофобию к страхам, сложившимся в ходе эволюции¹²¹. В ходе её эксперимента было доказано, что эволюционно улучшилось способности визуального обнаружения стимулов угрозы у маленьких детей. Герпетофобия закрепилась из-за постоянного осторожного отношения к пресмыкающимся.

А.В. И ещё один. Коля Расстригин, интересно, он их [змей] не боялся. Лежит – он раз её, за хвост поднимет. Она как раз два три тряханёт резко, как бичом.

9. Страх перед насекомыми. Формула: <субъект> <боится> <насекомых>.

Инсектофобия встречается в женских текстах. Страх перед насекомыми мог возникнуть в древности, когда люди постоянно жили в лесах и укус насекомого мог быть смертельным для человека. Фрагменты с страхом этого типа тесно сопряжены с оценкой.

Потом на другой вечер он к нам пришёл. Мы вечеру'ем, он к нам пришёл. Три девки пришли, у которых я гостила. Он пришёл – ой, мне совестно! Я совестилась-совестилась, да знаете чё сказала? Я говорю: "О'иньки, пузырь-то разобьёте". Надо сказать "стекло" в лампе. Ой! Убежала на улицу, да там всё время от стыда была. Девки были! Муху боялись.

10. Страх темноты.

Мы скот пасли не тут-ка, а на поскотину его проводили, эта три кило'метра отсе'да будет, в тую сторону, знашь, за этим Зимником. Ходили кажный день, и в дожд, и в снег, а на

¹²¹ Vanessa LoBue, Judy S. DeLoache. Detecting the Snake in the Grass: Attention to Fear-Relevant Stimuli by Adults and Young Children // Psychological Science. 2008.

ногах шибко хорошей обуви не было, мы в этих чунях ходили, это таки больши', в им все тогда' ходили, они у меня и сейчас стоят, я в их на улицу хожу, вон-тка они. В тую пасьбу мы с девкой ходили, в избе сидели, где тёмно, страшно было, а чё сделаешь, подбадриваешь друг дружку и сидишь.

Социальные страхи – предмет более сложного порядка. Как замечает В. В. Щербланова, страх как социальное чувство – неотъемлемый элемент ментальности людей – особенно влияет на поведение человека в моменты национальных катастроф¹²². Среди текстов Томского диалектного корпуса много текстов принадлежит поколению людей, перенесших Первую мировую войну, Гражданскую войну, Вторую мировую войну. Для людей, перенесших несколько войн, страх войны закреплен в сознании настолько, что рефрен *Лишь бы не было войны* может повторяться несколько раз во время разговора с информантом.

Чтоб век вечный войны не было.

Хоть войны нету. О-ой, не дай бог...

Шоб век вечный войны не было. Век плакала, все глаза проплакала.

Я ужю говорю, чтоб не было, чтоб только войны не было.

Лишь бы войны не было.

[О дне победы] Салют били. А там экуированы немцы гражданские были, боялись пальбы, думали, что опять немцы наступают, «Гитлер, капут!» кричали. Война хорошо никому не приходилась.

А я вот и говорю, там это рыбаки-то боялись. Как это кто там залодырничает, сейчас его сразу. Бронь долой сразу и туда. Люди работали не считались, это сейчас не хотят работать.

Гуси'нки ели, ой-ой-ой, я как вспомню, не дай же бог, ничё, я до сих пор этого голода боюсь.

Тоска, уж очень мы за наших-то боялись. Как уж вспомню – так уж и слёзы приступают без удержку. Шибко чижало было.

А как красные пришли – хорошо стало. Пришли е'ти красные. А одёжа на них с крестами, а на них кра'сна лента. Они приехали, а за ними много красных пришло. А потом не стали бояться белых.

А купцы-то испугались, да думали, что отряд идёт опять какой.

Это же, вот этот, как, девяностые, какой, девяносто второй год. Чрезвычайное положение по стране! Мы слышали, мы слушали, мы не знали, мы в ужасе, вот стоим с

¹²² Цит. по Чуркина М. В. Социальные страхи современного российского общества. Вестн. ИрГТУ. 2012. № 6 (65) С. 269.

мужем, друг на друга смотрим, это чё? Это чё вообще щас сказали по радио? Это какой-то, я не знаю, это война, это революция, это вообще чё? Мы даже не знали слова такое! Чрезвычайное положение. Это продля... это где-то длилось два дня, видимо, вот это вот, когда танки вышли на площадь, и всё вот это вот, ну это страшно! Это такой удар, это такой стресс, это не все люди... Я, я понимаю, что, хотя это не было объявлено, люди от этого объявления померли! Просто померли, потому что, ну как? Вот, которые постарше люди, мы ещё помоложе тогда были...

А теперь всё есть: и хлеб, и деньги, и мясо. Одно страща'т, война.

Как пишет М. В. Чуркина, в социологии категория «страх» рассматривается как реакция, возникающая в случаях реальной угрозы существованию организма, индивида, а также его ценностям, идеалам, принципам и направленная на источник опасности¹²³. Страх показывает уровень адаптации населения к меняющимся условиям жизни. Нарастающие темпы урбанизации и индустриализации не могли не сказаться на образе жизни в деревне. Новая техника в виде тракторов, самолетов и вертолетов удивляла и пугала деревенских жителей.

На комбайнёров там учили. Как только стали учиться, нам преподаватель сказал: «Я прицепной толкнет нам, а самоходный сам пойдёт». Я-то техники не знал. Боялся, думаю, вдруг чё не получится. Но как преподаватель сказал, и точно таки было. С похвальным листом это дело окончил.

Мы с ним работали, когда первые машины были. Как нам сказали «машины», так мы с испугу борона побросали. А нас Андрияшка поймал.

[А на чём готовили раньше, пока плиты не было? На печке?] Газ был. Газ я стала бояться. Включу, как-то это... у меня нет такого это... обоняния, ли как ли сказать, нюха. Кто-нибудь придёт: «Ой, газом пахнет у вас, ой, газом пахнет». Ну я тут это, давно уж я газом не пользуюсь, я говорю, не надо.

И я вот подумала, в прошлом году я делала томографию головы. У меня возникла проблема, и я решила сделать томографию головы. А я страшно всегда боялась, когда вот по телевизору показывают, когда вот в этот купол, вот в эту хрень посадят и туда запихнут. Я страшно боялась, думаю, никогда, не дай бог мне... А я не знала, как делают томографию головы. И когда я села в эту хре... в эту, корыто, и когда меня вот этим колпаком накрыли, и видимо у меня такой страх был, ну я умом понимала, что не помру я там, значит, меня всё равно оттуда как-то вынут, не для смерти меня ж туда посадили [смеётся], и я, значит...

¹²³ Чуркина М. В. Социальные страхи современного российского общества. Вестн. ИрГТУ. 2012. № 6 (65). С. 269.

Жили здесь мы, трудно время было, а по-своему навро'де и хорошо. Ужас! Счас идёт эта страшная техника. Стал народ, конечно, такой умелый. У меня сын лишь бы железяки эти были.

Чудно были самолёты. Первы появились, все смотрют. Господи, что да что такое? Боялись. Кинет чё нибудь чуда такая. В тайги летат низко, хвос задират. Старые старики со страху померли б.

Ну, конечно, тихо! В городе вон щас по телевизору посмотришь. Ой-ой-ой! Страх Божий! Сколько машин!

Отдельно выделяется страх самого города, объясняющийся плохой экологией, многочисленностью, сложностью городской инфраструктуры и городской жизни для деревенского жителя.

Но, а жена-то его жива. В городе живёт, ей квартиру дали. Как этой погибшей, жена. Ей уже девяносто семь лет. Она ещё рассуждда'т куда с добром. Меня всё звала, чтобы я приехала, а я боюсь чё-то в город ехать. Я как заезжаю.

[А в город боитесь почему?] Мне кажется воздуха мне не хвата'т. Потому что, я. [Вы привыкли уже здесь.] А? [Привыкли уже здесь?] Да. Здесь свежий воздух, а там душно.

Всё боюсь, что мы не проживём в городе, с голоду замрём.

Иногда человек может бояться не конкретного города, а поездки в новое место, незнакомое ему, например, в соседнюю деревню.

Послали меня учиться, в деревню кило'метров за тридцать, Талая называется. Сама не захотела, мальчик у меня был. Сестра бы доглядела, да мне страшно было расставаться со своей деревней, ведь ничё там-то не знаю, так и осталась.

В связи с городом актуализируется тема транспорта. Женщины часто рассказывают, что бояться аварий и транспорта. Как показывает исследование О. В. Кружковой, у женщин большую тревогу в городе вызывают реальные риски (вероятность ДТП, ограбления и прочее) и угрозы для жизни и здоровья¹²⁴. Женщины чувствуют себя менее защищенными в условиях большого города. Как пишет И. А. Горьковая, страх перед транспортом напрямую связан с полученной информацией из СМИ и восприятием её угрожающего, негативного характера¹²⁵.

Он боится моему мотоцикл покупать зятю.

¹²⁴ Кружкова О. В. Городской средовой стресс: восприятие реальности и гипотетическая оценка // Конфликтогенность современности. Екатеринбург, 2014. С. 83–101.

¹²⁵ Горьковая И. А. Страхи у детей и их преодоление / И. А. Горьковая // Педиатр. 2014. № 3. С. 128.

[Мы долго ехали так.] На автобусе едешь да едешь. А я как-то на автобусе лучше люблю ездить, чем на машинах. Машина прямо у самого полу бежит. Я бою'ся. А там с людьми сяду да сижу, и всё. Мне там нравится ездить.

Глядели смеялись, хорошо. Она дойдёт до полу другой раз, остановится, для чего канаву накопили, везут. Ишо там с ребёнками дотискалась, двое ребяташек, хто это с <детя'ми> там я не знаю. Ой как я боюся эти аварии, там кувыркаются. Ишо облезьяны вы.

Нетипичным страхом оказывается страх долгой жизни, не поддающийся комментарию. Единичный случай, представленный в фрагменте, не дает полного представления о проблеме.

[А как сейчас живётся Вам?] И сейчас жизнь неплоха, только я все опасуюсь, не дай бог зрения потерять или сто лет прожить, как мама. Не хочу!

Страх болезни обычно вызван опытом общения с другими людьми или получением негативной информации путём СМИ. Страх болезни крепко связан со страхом смерти. Человек старается избегать заболевших, чтобы не заразиться.

[А как сейчас живётся Вам?] И сейчас жизнь неплоха, только я все опасуюсь, не дай бог зрения потерять или сто лет прожить, как мама. Не хочу!

[ТГУ.] А-а, это на Ленина, да? А я щас и город-то забыла, не езжу сильно и ездить сильно боюсь: у меня голова, всю жизнь...

[Наверно, скучно ужасно.] Никуда-никуда даже. Я даже... вот у меня сестра в Нелю'биной живёт, я даже к ней на автобусе боюсь ехать, чтобы с головой ничё не сделалось.

Вот я из-за головы боюсь. У меня же закру'жится голова. Морковку сеяла вниз головой, ну и два раз шлёпнулась в морковку. Ну, грю, ну чё, вырастет с мою голову, вырастет. Ну это... Сужение кровеносных сосудов в голове. Может кровоизлияние быть, мне врач сказал, что если сильно долго...

И в город также: сумку в охалку, до остановки — и поехала, а щас боюсь ехать. Голова не закружи'тся да не упа'сь, всё-даки тридцать километров.

Прямо спина отвалилась нагото'во, мне ведь в больницу надо, ипера'цию делать надо, да боюсь.

Они [тунгусы] не хоро'няют в землю, это у них грех считается. А удирают как, если оспа – не остановишь даже. Страши'мо боялись.

К страхам, сформированным культурной традицией, относится страх нечистой силы, страх сверхъестественного. Как отмечает А. И. Захаров, введший понятие «невроз страха» у детей, эти страхи частично формируются и закрепляются у детей с раннего возраста взрослыми из ближнего окружения ребёнка.

Домовые – портят кто это. А тебя ешо покривит. Если я на тебя злая, так я тебя испорчу. Я боялась это порчи до смерти боялась, не ругалась с ними, кото'ры умели.

А ишо, отец сказывал, боялись какого-то Белого царя. Всё говорили: «Придёт Белый царь и погубит вас». Это его деды делали: накопили большие погреба и лезут туды все, дня три-четыре гуляют, потом подрубают стойки и губили себя. Всё Белого царя боялись.

А ишио одна бабка у нас жила, она ведьмой считалась. Щас уже в это никто и не верит. Но вот ведь какая старуха-то была. Жил, значит, у ней огромный чёрный кот. Все у нас этого кота боялись, а особенно ночью, когда он по улице шёл.

[Чего значит бабай?] Язва его, что это значит. И нас пугали, мы его и не видели, у нас ничего здесь не чудилось. Вон внучка та щас боится, пойдёт в огурцы, ей скажешь: «не ходи там бабай», а она и бегом обратно.

Нечистого духа боялись, Баба'я. Баба'й - это что-то страшное.

Территориально обусловленным страхом можно считать страх перед ссыльными. Массовый характер ссылка в Сибирь приобрела в середине XVIII века после замены смертной казни вечной каторгой. К 1930 году в Сибирском крае размещалось около 16 тысяч высланных и ссыльных всех категорий, их наибольшая концентрация была в Красноярском, Томском и Канском округе. Вольные переселенцы с осторожностью относились к ссыльным, боясь за свою жизнь и имущество. Со временем страх перед ссыльными заменяется страх перед бандитами и отсидевшими.

Тяжело, потому что вот эти бе'ганцы бегают, ну, эти, уголовники из тюрьмы убегают и бегают, страшно.

[В Асино.] А'синска ты? Асино гыт тоже прям город, расстроился [Ну, город]. Раньше боялись Асино, что там это, тюре'мишых дополна', с зоны. Ну, наверно, и щас так же.

А ссыльные здесь были, ох, страшно было. Армяшка один лохматый весь в одних трусах под окнами бегал, просил хлеба. Прибежит и постукиват в окошко, я девчонкам своим не разрешала на улицу выходить.

[За грибами ходите?] Нет, не хожу, боюсь. А теперь вот никуда не хожу, то что боюсь. Потому что много фулига'нов, потому что много в лесу ходят теперь. А нашего брата ло'вют как собак. Я даже вечером прихожу с работы, я уже в восемь, в девять часов, я уже на крючке. Кому надо посту'кат, спрошу «кто», открою.

Щас в городе опасно жить, то в квартиру залезут, тебя убьют.

К социальным страхам мы относим страх одиночества у пожилых людей. Как замечает С. А. Акопян, сложность, насыщенность и динамичность современной жизни сказываются на пожилом человеке в многообразных эмоциональных проявлениях, которые

нередко приводят к ухудшению общения не только с незнакомыми, но и с близкими людьми¹²⁶. Многие из пожилых людей начинают испытывать страх быть ненужным, быть обузой кому-либо.

Н.П. Спасибо большое. [Мы Вас не утомили?]

Р.В. Нет, нет, не утомили. Я боюсь, что я-то вас утомила. [Нет, нет]

Моральные страхи крепко связаны с устоями патриархального уклада жизни. М. М. Громыко пишет: «Крестьянская община относится к числу социальных групп, достаточно глубоко подчиняющих себе личность... За исключением экстремальных ситуаций, инициатива, творчество, протест тоже укладывались, как правило, в традиционные нормы поведения, на страже которых стояла община»¹²⁷. Крестьянская община делилась на старшее и среднее поколение. Младшие должны были безоговорочно подчиняться старшим, следовать их указам и выполнять приказы. Одним из механизмов поддержания такой «субординации» был страх перед старшим по возрасту и страх порицания в случае протеста со стороны родных и соседей.

Скверным слово'м чтоб кто заругался? А сейчас никого не опасаются.

Мы с мальчиками дружили, а родители боялись. Не дай Бог, если увидят. Стыдно же.

Девочки меня всеуда зовут: «Пойдём, Надя, короводы иурать», да я не ходила, отца боялась, не пускал меня иурать: «Сиди, – уоворит, – дома, – дело'в, – уоворит, – мно'уо».

Вот мама говорила. Мы гыт, поругались – папу у меня тоже Толя звали – поругались, говорит, с Толей, а он мне и говорит: «Ты, Катя, сёдня не здумай маме сказать, а то она меня будет ругать», от уж, им было, около, по двадцать пять или по двадцать семь лет, а они ешо родителей боялись. А теперь хто кого боится? Да от перешагнут вот так вот через тебя и пойдут, и ты умерла или ты жива ли – ушли и всё, и делу конец. От так от.

Да какой от их прок? А хто куды' разъехались. Ра'зе оне' спро'сют у меня басловле'ния? Нет, тапе'рь не таки' дети пошли, как раньше. Тоды' во как родителёв боялись. А е'тим ра'зе охота с старой матерью жить? А раньше?

А про внуков... Это вообще, это мир другой. Ещё чё-нибудь скажу – [подражая интонации] «Ой, баб, ты...». То есть, ты полный отстой, ты кого ты знаешь. Ну вот эти выражения не говорят, ну смысл тот. [подражая интонации] «Ой, баб, да ты чё?» У них, у

¹²⁶ Акопян С. А. Страхи пожилых людей города и села // Поволжский педагогический вестник. № 2 (3). 2014. С. 8–11.

¹²⁷ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М. М. Громыко ; отв. ред. В. А. Александров, В. К. Соколова ; Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва : Наука, 1986. 274, [4] с. С. 157

них уже всё, вот этот интернет, вот этот все вот эти выражения, они уже, нам они уже непонятны. Я, чё они скажут, я уже не знаю, чё это такое. То ли его едят, то ли его носят, то ли чё с ним делают. Этым словом. Ну. Ну серьёзно, серьёзно! И поэтому, это очень страшно. Мне кажется, я не знаю, мне, для меня это просто какая-то, какой-то ужас. Как это будет дальше страна жить, вот с этим поколением, потому что их очень много. Они всегда были, какие-то там оторвы, же, но их было мало. И они как-то скрывались, они как-то стеснялись, они как-то куда-то в тенёк уходили. А щас это... Это круто! Чё ж это круто, когда это плохо. Как может быть круто то, что плохо? Ну вот, дожили вот до этих пор. А оставшие люди, они вообще в ужасе, они вообще в шоке, они в трансе, что вот мы дожили до такой ст...

По воспоминаниям А. Е. Зуйковой, коллективизация – лихое время – разделила людей в деревне на два лагеря¹²⁸. Один лагерь – зажиточные крестьяне, которые владели крепким хозяйством, и второй лагерь – бедняки, которые ничего не имели, так как не хотели работать или пьянствовали. Семьи зажиточных крестьян попадали под раскулачивания, их имущество описывали и забирали. Мужчин посылали в ссылку с жёнами и детьми. Как вспоминает А. Е. Зуйкова, очень много людей погибало в этом нелегком пути из Алтайского края до поселка Белорыбный Парабельского района: «Чего только не насмотрелись за весь этап, на издевательства конвоя: с жиру бесились, издевались над людьми, как могли. Конвоировали нас с собаками, как каких-то преступников. До самой смерти так и не поняла, какое это преступление мы совершили, что оторвали от родных очагов и погнали как скот на страшные муки и страдания»¹²⁹. Семьи репрессированных попадали в изоляцию: с ними было опасно иметь дело, можно было попасть под подозрение и занять свою очередь на этап. Страх быть репрессированным не покидал головы сибиряков долгое время. Жизнь протекала в условиях постоянных подозрений, люди боялись за себя и своих близких.

Я стою, ко мне никто' не подходит, никто' не спрашивает, решила ли я задачу, как у меня получилось, потому что все боялись, что я дочь врага народа.

А.И. Чтобы норма была, любой ценой. А ты говоришь, как хотели.

А.В. Нет, я тебе не про это говорю, что мы коменданта не так боялись, как где-то.

А.В. Да было такое. Банду'-то, банду'-то увозили.

¹²⁸ Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян / Нац. исслед. Том. гос. ун-т, Том. с.-х. ин-т ; [публикация Н. М. Дмитриенко, Г. В. Шипилиной ; науч. ред. Э. И. Черняк]. Томск : Издательство Томского университета, 2014. 199 с. С. 12–15.

¹²⁹ Там же. С. 12–15.

А.И. Друг друга же ещё и боялись, бляха муха, продаст тебя.

В колхозе на зерне я работала, бригадиром была. Девки-то работали, так маненько утащат домой зерна. А я ничего не брала. Девки боялись меня. Думали, расскажу. Тогда строго было, хлеба мало, увидют если, засудют.

Перестроечные годы серьёзно отразились на жизни среднего поколения тех лет. Как пишут В.Е. Гимпельсон и А. Ю. Ощепков, экономические реформы 1992 года дают начало современной истории российской безработицы¹³⁰. Учёные отмечают, что доля тех, кто боялся потерять работу в это время, устойчиво держалась выше отметки в 50 %. Люди не чувствовали себя защищенными.

Оне' женаты, у их своя семья, у их своя работа, да сами тоже на работе не дай боу, чтоб хоть один день остаться, потому что всё боятся работу потерять, её же щас нигде не найдёшь. Оне' прихо'дют в выходной в бане помыться, ну чё за выходной сделают, то и всё вот.

Пережитые войны и голодные годы оставили свой след. Как вспоминает А. Т. Примакова, весной питались прошлогодней гнилой картошкой, летом ели крапиву. Постепенно жизнь начала налаживаться, но страх потерять нажитое непосильным трудом остался.

Я грю: «Вера, ну я не привы'шна закрытой сидеть. Ко мне, грю, у меня ворота всегда, грю, открыты». А она вот тоже сидит всё время на защёлке: там напротив цыгане. Они, грит, меня разорили, а я грю: «А меня никто не разоря'т. Ну кто зайдёт, дак зайдёт, станут, ну». [Все боятся, закрываются?] Ну, ну так.

А когда вот этот у нас, в девяностые годы, вот этот путч объявили, этот дефолт. Эти, реформа денег, в шесть часов утра объявляют, это же стресс! Это же караул! Вот, когда, радио ещё было те годы. В шесть часов утра объявляли. Мы не з... мы не понимаем, чё это такое. Мы не знаем, чё это такое, чё: «реформа денег». Все деньги надо менять ще, паника у людей!

Скидываешь одной рукой, другой трепешь, потом выполоцешь и расстелешь по траве, о, вот, в огороде расстелешь много, по траве, там где вон картошкой не досо'жено, вот там и расстилаешь это, самое полотно, сколько расстелешь, о, много расстелешь, конечно боишься, шоб не украли, всякий народ и теперь как и раньше.

¹³⁰ Гимпельсон В. Е., Ощепков А. Ю. Уровень и страх безработицы: есть ли между ними связь? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. № 3. Т. 15. С. 277–314.

Тревогу за нажитое сильно подпитывает информация СМИ. Л.В. Куликов пишет, что негативная эмоциональная тональность российских СМИ, атмосфера тревоги, подозрений, обиды, зависти не способствуют сплочению общества¹³¹. Человек начинает бояться других.

Дружно жили люди, мы никогда не закрывались на ночь! Вот в Карасях помню, я никогда даже привычки не имела, чтоб я на ночь дверь закрыла. А сейчас-то я боюсь, на ночь закрываюсь. И то только там маленько приверну, это от так тут настезь стоит. Уже щас ничё не боюсь. Кому я нужна, убивать кто тут будет? Иногда бывает и страшно, чё-то раздумаешься какой-то страх, да ещё помотришь телевизор, чё-нибудь страшное. Вот так и бывает.

У нас вот телевизор кажет, вон чё творится-то, правда. Страшно даже, смотреть.

Как отмечает Т. А. Бернштам, традиционная крестьянская культура сформировалась на базе религиозного сознания, которое было не только духовным ядром, но и духовным наполнением жизни, обуславливая мироощущение, приемы освоения чувственного и сверхчувственного, эмоциональный строй и кодекс нравственных критериев. Страх перед Богом помогал контролировать жизнь в деревенской среде.

Бога боялись, взрослых почитали. Ико'ночки я'рки – он за тобой всюду глядит. Ты туда – он глядит, ты сюда – он опять глядит.

[Что, значит раньше лучше было?] Конечно! Раньше не расходились, Бога боялись. Это грех, второй раз замуж выйти было.

Я и не слышал про неё, ей не пужали, а говорили: «Боженька накажет». Все и боялись, верили. Церковь была, ходили туда, соблюдали посты', я вот помню, мама мне до тех пор не давала есть утром, пока моле'нья не кончатся.

Народ который шли, который не шли. Как это Бога забыть, церковь божью, страшно было.

С разрушением традиционного крестьянского уклада жизни, подчинение младшего старшему заменяется субординацией, когда младший по званию подчиняется старшему. Этому во многом способствовала система колхозов, разделившая деревню на работников и управленцев.

Я техничкой работала. Глядела-глядела и другой раз ругалась. Туды на работу никто не идёт. А пол страмной такой, страмота. Счас его ликвидировали. Придётся, Агаша вся в

¹³¹ Куликов Л. В. Социально-психологические аспекты влияния СМИ на сознание // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 1. С. 3–12.

тесте. Вот выдирайся, все подчисть. Счас она..., ей-богу, тетя Тася, я тебя боялась. Мы тебя вся смена боялись.

А щас сделали перестройку! Вон председатель сельсовета придёт, ёлки, ты его больше боишься, чем председателя колхоза. Так же, тётя Вера?

Не, щас народ недисциплинированный. Раньше вот председатель сельсовета идёт и боишься, бригадир идёт – боишься, а щас ты посмотри. Это чё? В глаза наплюют и нахаркают. Чё, не так? Чё только сказал, пострашал, он тебя стращат. Хоть плохо тогда было жить, трудно, тчяжело, зато дисциплина была.

Были проанализированы записи 326 информантов, среди которых более 250 принадлежат женщинам и более 65 – мужчинам. Остальную часть составляют записи с диалогами или параллельной записью двух информантов. Мы подготовили графики, иллюстрирующие результаты нашего анализа ситуаций, которые могут стать причиной страха для человека, вызывают у него тревогу или опасения.

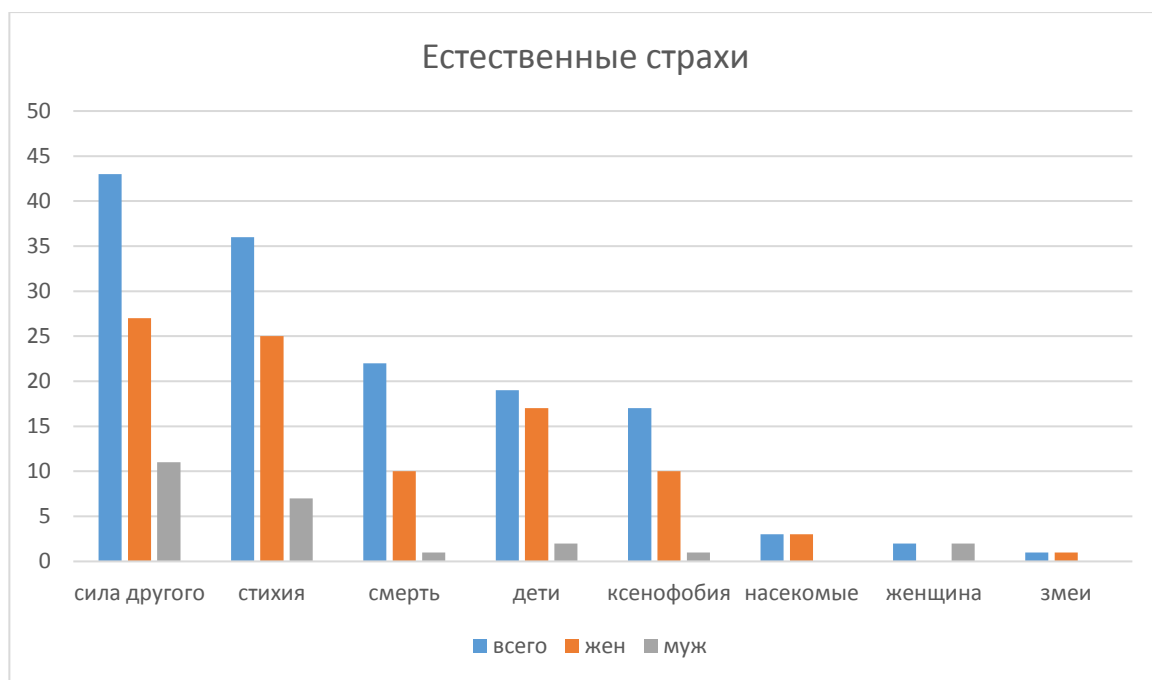

Рис 2 – Естественные страхи сибирских старожил.

Женщины охотнее рассказывают о своих переживаниях, чем мужчины, поэтому фрагменты с описанием страха встречаются чаще в женских текстах, чем в мужских. Преодоление страха приписывается мужчине:

Косить пошла одиннадцати лет, переработала всю работу. Из-за того я и одна не боюсь. Как мужик.

Женщина сильнее боится хищников, так как чувствует себя незащищенной в тайге, в отличие от мужчины. Страх перед мужчиной встречается в записях пожилых женщин, которые живут одни и не чувствуют себя в безопасности.

Женщина сильнее боится воды и огня. Возможно, это связано с не таким частым контактом с этими стихиями. Мужчина объясняет отсутствие этого страха у себя привычкой, сложившей в ходе службы или рода занятий (рыбалки): *[А сеть достаёте прямо руками из воды?]* Ну конечно. Я не боюсь. Я старый моряк. Я на Чукотке служил.

Страх смерти чаще встречается в рассказах женщин. Но это переживание не за свою жизнь, а за жизнь своих близких, которые были на войне, которым предстоит операция, судьба которых до конца неизвестна: *Ну и помучалась я, помню, с нею, всё время следить за ею приходилось, боялись мы очень, кабы она что с собою не сделала бедная. Горевала очень, нам уж аж страшно-то с нею было.* Многие женщины отмечают, что страх атрибутики, связанной со смертью (кресты, надгробия и прочее), возник у них уже в пожилом возрасте: *А у нас девочки, как мы переехали, они даже и не думали бояться, всегда у нас, как весна, вот тут вот всякие эти мячики играли и догоняшки, да чё-то всегда вот тут вот валянка была зелёная, щас чё-то не стало, как попало.*

Страх за детей, как уже отмечалось, более свойственен женщине, так как уход за ними в крестьянской семье – это ее прямая обязанность. Женщина переживает за своих детей и внуков до конца жизни: *А мои дети хто где? Аж страшно стано'витса. По свету раски'даны, как кукушки.*

Страх перед чужим характер больше для женщины. Возможно, это связано с тем, что женщина редко выезжала за пределы своей деревни, поэтому много кажется ей неизвестным и вызывает естественное чувство страха.

Страх перед пресмыкающимися и грызунами свойственен только женщине.

Страх за женщину встречается только в одной записи и связан с ревностью.

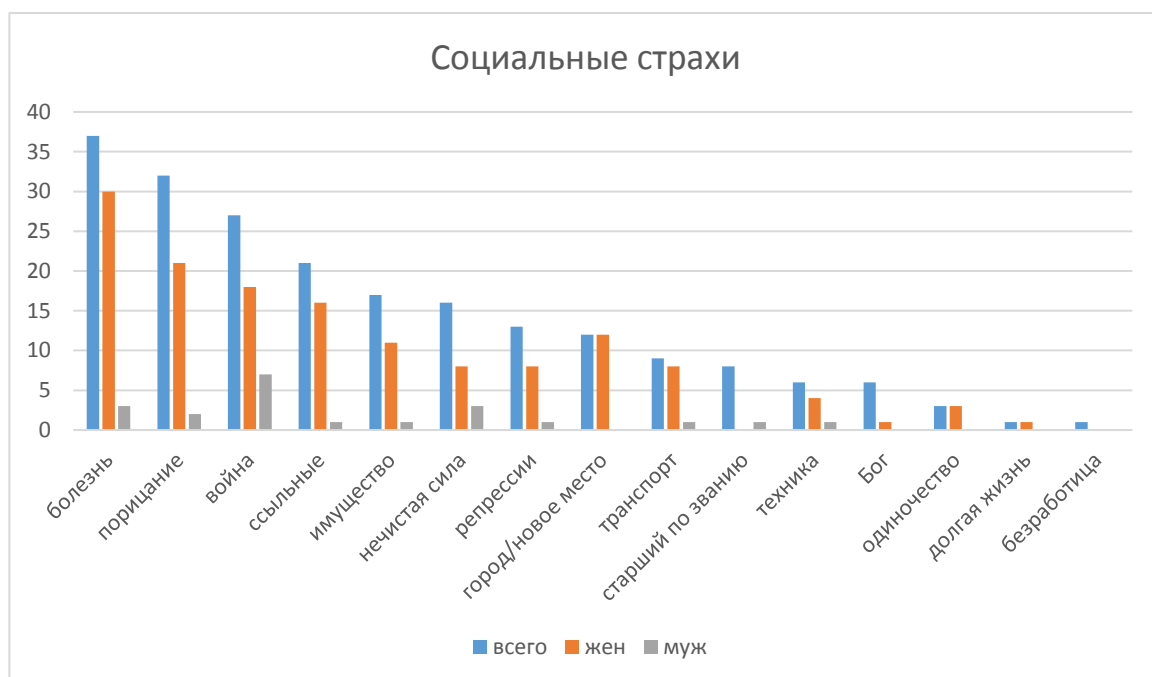

Рис 3 – Социальные страхи сибирских старожилов

Среди социальных страхов наиболее выделяется страх болезни, связанный с возрастом. Люди пожилого возраста боятся потерять зрение, возможность свободно передвигаться. Некоторые связывают тяжелую болезнь с чувством зависимости от близких.

На втором месте по встречаемости – это страхи, связанные с моральными запретами. В этих фрагментах осуждается современная молодежь, их образ жизни и одежда. Подобное поведение связывается информантами с отсутствием страха перед старшими. Чаще эту тему в разговоре поднимают женщины.

На третьем месте – страх войны, связанный с тяжелым детством в военные и послевоенные годы, а для более ранних записей – с военным опытом времен Великой Отечественной войны. Информантами подчеркивается неожиданность войны, ее разрушительность. Война наделяется апокалиптическими чертами: *Не дай бог, чтоб вы, конечно, ни ваши дети, никто войны не видел, это страшное дело. страшное. А щас-то буует война, дак вообще, наверное, всё сметут с земли и всё. Вот это страшная война была, что...*

Страх перед ссыльными чаще встречается в ранних записях, а страх перед сбежавшими или отсидевшими преступниками вновь актуализируется в записях, близких по времени к Перестройке.

Страх за имущество более свойственен женщинам: *Значит, тряпочку, я вот себе со стола вытереть, я боюсь каждую тряпочку разорвать. Почти всё починаю. Раз порвётся, мы содим заплатку и всё.*

Страх нечистой силы во многих фрагментах связан с гаданиями в Святки.

Про страх перед репрессиями говорят, как правило, репрессированные или люди, чьих близких или соседей репрессировали.

Города и переезда в новое место боятся женщины, которые никуда до этого не выезжали. В связи с этим они часто боятся транспорта.

Реже в записях встречаются фрагменты с следующими типами страхов: страх перед старшим по званию, страх Бога, страх одиночества, страх долгой жизни и страх безработицы.

Страх Бога редко встречается, на наш взгляд, в связи с долгой политикой атеизма СССР, уничтожением церквей и храмов по всей стране.

Страх безработицы встречается в одной записи и касается переживаний детей, а не самого информата. Страх быть уволенным не характерен для информантов, большинство из них при записи уже находятся на пенсии и не думают о поиске работы.

2.3. Фразеологические средства репрезентации страха в диалекте

Как отмечает Д. О. Добровольский, человек может онтологизировать свои эмоции, душевные и психические реакции при помощи перевода их из «невидимого» и неуловимого

мира духов в «видимый» и объективируемый мир физических реакций¹³². При этом в процессе концептуализации душевных состояний эмоция, выраженная разными способами, оказывается не тождественна самой себе. Изучение образных средств выражения концепта «страх» может не только способствовать более глубокому пониманию способов передачи эмоции страха в языке, но и пролить свет на языковые способы отражения эмоциональных состояний в целом. Интерес для изучения представляет диалектный материал, так как на основе его выстраивается особая картина мира.

Как пишет С. В. Зайкина, паремиологические представления о страхе актуализируют смыслообразующие признаки концепта «страх»: влияние страха на поведение человека; научающую функцию страха; осуждение трусости; поощрение храбрости; соотношение страха и смерти; преодоление страха¹³³. При этом в качестве основы для метафорического переосмысления выступают имена животных, их повадки, осторожное, трусливое поведение в опасных ситуациях. Исследователь отмечает, что в русском языковом сознании страх-болезнь мыслится как практически неизлечимое заболевание, с крайне тяжелыми последствиями, ведущее к временной парализации организма. Фразеологизация концепта «страх» на основе метафорических и символических образов, отсылающих к психосоматическим и физиологическим симптомам переживания эмоции страха. Для русского языкового сознания приоритетными признаками выступают «выражение глаз», «временная неспособность видеть, дышать, говорить», равномерное покрытие органов человеческого тела.

Анализируя способы и средства выражения страха в русской языковой картине мира, А. Е. Бочкарев утверждает, что в метафорической проекции страх определяется в отношении к структурным элементам других предметных областей: «неподвластная человеку сила», «жидкость», «огненная стихия» и «зверёк»¹³⁴. Для среднеобских говоров не характерна аналогия между переживанием страха и водной и огненной стихией. Возможно, это связано с объективными причинами, так как территории Томской и Кемеровской областей относятся к зоне умеренно опасных наводнений и лесных пожаров. Вода как неподконтрольная человеку стихия, сметающая всё живое на своём пути, не представлена в диалектной коммуникации. Вместе с тем вода воспринимается человеком как враждебная сила и может быть источником страха: *Я воды боюсь до смерти*. Огненная стихия находит отражение в фразеологизмах

¹³² Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 82.

¹³³ Зайкина С. В. Страх. // Антология концептов / В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 1. Волгоград, 2005. С. 247–268.

¹³⁴ Бочкарев А. Е. О способах и средствах выражения страха в русской языковой картине мира // Вестник Новосибирского государственного университета. 2016. № 3. С. 5.

бояться как огня и *дать как огнём по сердцу*, которые маркируют сильное состояние испуга, близкое ужасу и панике. Сочетание лексемы *страх* с глаголами *светиться* и *вспыхивать*, зафиксированное А. Е. Бочкаревым, не встречается в записях речи старожилов Среднего Приобья.

Представление о страхе как о некой «неподвластной человеку силе» в диалекте так же, как и в литературном языке, обычно реализуется через персонификацию этого душевного состояния: *на меня напал страх; страх её одолел; как вздумаешь, так ужас берёт*. Страх представлен в речи как активный противник, с которым человек вступает в борьбу или отступает перед его натиском.

Физическое проявление страха находит широкое отражение в образных единицах языка. Страх проявляется в учащении сердцебиения, повышении уровня адреналина, расширении зрачков, бледности цвета кожи, дрожи и плаче. В составе фразеологических единиц, обозначающих страх, используются различные названия частей человеческого тела: *кожа (ободрать кожу, драть кожу, кожу дерёт)*, *зубы (зуб об зуб не бьёт)*, *волосы (волос дыбом становится, волосы на голове стоят)*, *руки (руки повесились)*. При этом на состояние сильного испуга указывают единицы, отражающие не активную физиологическую реакцию, а, наоборот, состояние «застывания», «обмирания»: *одеть холодом, сердце остановится*.

В мифологии сильный, опасный страх отождествляется со смертью, отсюда и следующие сочетания: *бояться до смерти* и *умереть от страха (У короля был дворец, в котором никто не мог переночевать, чтобы не умереть от страха)*.

Анализируя концепт «грех», Л. Г. Гынгазова отмечает такой фактор традиционной культуры, как религиозный аспект бытия: «Его можно обозначить как “наивная религия”, которая противопоставлена теологии как системе религиозного теоретического знания о Боге... Языковые проявления наивной религии в идиолекте множественны, они “встроены” в самые разнообразные жизненные сферы»¹³⁵. Наивная религия проявляется и в устойчивых сочетаниях, маркирующих состояние страха: *бога в море утопить* (вести себя, не боясь осуждения) и *страх божий* или *страсть господня* (страх, боязнь наказания от Бога). Страх перед Богом выступает как регулятор поведения человека, ограждающий его от неправильных поступков: *Пост - это кода мясо не едят, а постно всё: репу, брюкву, редьку. Бога боялись, а счас ничего не боятся. Бога в море утопили*. Выражения *страх божий* и *страсть господня* маркируют состояние ужаса в ситуациях, которые не укладываются в привычную картину мира, например, насильственные действия во время войны: *Его убили красны, с деревни увезли*.

¹³⁵ Гынгазова Л. Г. Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и ее реинтерпретация исследователем // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 15

На мосту шесь ран <рали> и поуб он. Ох страсть уосподня! Чаще всего такая семантика оформляется через восклицательные высказывания.

Как показал анализ образных слов и выражений, особенности концептуализации страха в диалекте обусловлены природной спецификой той или иной территории и мифологичностью сознания диалектоносителей.

2.4. Выводы по второй главе

Высказывания сибирских старожилов об эмоции страха, включают как простые забавные истории о соседях, так и серьезные переживания за родных и близких во время войны, рассказы о личных переживаниях, сказки про преодоление страха глуповатым, но находчивым Ванькой. Несмотря на то, что основу лексического материала для анализа составили общерусские слова, заметны проявления особенностей мировосприятия крестьянина-сибиряка. На сознание местных жителей сильно повлиял ряд национальных катастроф в виде двух мировых войн и Гражданской войны. Боязнь начала новой войны занимает одной из первых мест по встречаемости в текстах Томского диалектного корпуса. Структура фрейма, выделенная нами, имеет простое устройство из трёх элементов: субъект, состояние страха, источник угрозы для субъекта. Как показали результаты анализа, эта структура может усложняться дополнительными элементами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Психологи называют страх базовой эмоцией, то есть в основе которых заложено решение фундаментальных жизненных задач – сохранение жизни индивида. Страх оберегает нашу жизнь, останавливая нас в тех ситуациях, когда есть угроза нашей жизни или угроза нашим близким. С развитием общества ситуации, бывшие естественными источниками угрозы, отходят на второй план, уступая место социальным страхам. Современные страхи отражают уровень развития общества, сложность и многомерность современной жизни. Изучение концепта «страх» помогает выстроить языковую картину мира сибирского старожила.

Высокая номинативная плотность концепта «страх» свидетельствует о значимости этого концепта в сознании диалектоносителей, многие из которых так или иначе перенесли тяготы и последствия двух переходных периодов в истории России – революцию и развал СССР. Исследование концепта «страх» дает возможность посмотреть, как этот травматический опыт повлиял на общий уровень тревожности. Такие единичные, частные исследования эмоциональных концептов на базе Томского диалектного корпуса подготавливает почву для изучения остальных базовых эмоций (гнев, отвращение, печаль и др.) на диалектном материале и создают основу для потенциального создания эмоционального подкорпуса.

По итогам работы описан главный набор элементов фрейма, структурирующих концепт «страх» в сознании носителей диалекта и выявлены языковые средства его выражения.

В перспективе планируется разработка и проведение опроса среди диалектоносителей в рамках диалектологической экспедиции студентов ТГУ, чтобы проверить гипотезу о выстраивании концепта «страх» по типу фрейма. В рамках магистерской диссертации планируется проанализировать художественный концепт «страх» в ранней прозе Ф. Сологуба для рассмотрения концепта «страх» в разных дискурсивных практиках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ekman P. Basic emotions / T. Dalgleish, M. Power (eds.). // Handbook of cognition and emotion. Sussex, 1999. P. 4
2. Ekman P. Expression and the nature of emotion // Approaches to emotion / K. Scherer, P. Ekman. Hillsdale, N. J. : Lawrence, Erlbaum, 1984. P. 330.
3. Schank R., Abelson R. Scripts, Plans and Knowledge, Advance Papers of Fourth Intern. Joint Conf. on Artif. Intell., 1975, # 2, p. 151-157. [Русский перевод: Труды IV межд. конф. по искусств. интеллекту, т. 6. М.: Научн. совет по компл. пробл. «Кибернетика» АН СССР, 1975, с. 208-220]
4. Sommerfeldt K.-E. Wesen und Arten funktional-semantischer Felder // Grammatisch-semantische Felder der deutschen Sprache der Gegenwart / Hrsg. Sommerfeldt K.-E. & Starke G. – Leipzig, 1984. – S. 7–26.
5. Vanessa LoBue, Judy S. DeLoache. Detecting the Snake in the Grass: Attention to Fear-Relevant Stimuli by Adults and Young Children // Psychological Science. – 2008.
6. Акопян С. А. Страхи пожилых людей города и села // Поволжский педагогический вестник. – № 2 (3). – 2014. – С. 8–11.
7. Апресян В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
8. Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 35.
9. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Культурные концепты. М. : – 1991. – С. 3–4.
10. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Вып. II. – 1928. С. 28–44.
11. Банкова Т. Б. Концепт «честь» в «Словаре сибирских обрядов» // Образ человека в картине мира. – Новосибирск : Новосибирское книжное изд-во, 2003. – С. 211–217.
12. Большой психологический словарь / Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб. : Изд-во ОЛМА-ПРЕСС, 2003 – 672 с.
13. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка // Вопросы языкознания. – 2004. – С. 108–114.

14. Бочкарёв А. Е. О способах и средствах выражения страха в русской языковой картине мира // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск, 2016. – Том 14. – №3 – С. 5–14.
15. Введение в когнитивную лингвистику / М. В. Пименова [и др.] ; под ред. М.В. Пименовой. – Кемерово, 2004. – С. 8.
16. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая; [пер. с англ. А. Д. Шмелева]. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 210 с.
17. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М. А. Кронгауз / М. А. Кронгауз. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
18. Вендина Т. И. Языковое сознание и методы его исследования // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурные коммуникации. – 1999. – № 4. – С. 15–32.
19. Вершининский словарь: в 7 т. / О. И. Блинова – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – Т. 1–7.
20. Вилюнас В. К. Психология эмоций / В. К. Вилюнас, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 288 с.
21. Волошина С. В. Концепт «работа» в женских автобиографических рассказах сибирских старожилов: константы и трансформация / С. В. Волошина, М. А. Толстова // Вестн. Том. гос. ун-та – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2017. – С. 12–18.
22. Волошина С. В. Репрезентация концепта «богатство» в диалектном дискурсе: константы и трансформации / С. В. Волошина, М. А. Толстова // Вестн. Том. гос. ун-та – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2018. – С. 17–28.
23. Волошина С. В. Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2017. – С. 28–38.
24. Волошина С. В. Репрезентация понятийного слоя концепта «медведь» в диалектном дискурсе // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме – Гомель, 2019 – С. 114–117.
25. Воркачев С. Г. Семантизация концепта любви в русской и испанской лексикографии (сопоставительный анализ) // Язык и эмоции: Сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 125–138.
26. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.

27. Вотякова И. А. Концепт «страх» в русском языке // Вестник Удмуртского университета. Вып. 4 – Ижевск, 2004. – С. 179–183.
28. Вундт В. Основы физиологической психологии. Т. 2. – М., 2010.
29. Гимпельсон В. Е., Ощепков А. Ю. Уровень и страх безработицы: есть ли между ними связь? // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2011. – № 3. – Т. 15. – С. 277–314.
30. Горьковая И. А. Страхи у детей и их преодоление / И. А. Горьковая // Педиатр. – 2014. - № 3. – С. 128–133.
31. Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М. М. Громыко ; отв. ред. В. А. Александров, В. К. Соколова ; Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва : Наука, 1986. – 274, [4] с. С. 157.
32. Грот Н. Я. Психология чувствований в её истории и главных основах – СПб., 1879-1880.
33. Гынгазова Л. Г. Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и ее реинтерпретация исследователем // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 15–19.
34. Гынгазова Л. Г. Концепт «душа» в языке диалектной личности // Теоретические и прикладные аспекты филологии – Новосибирск : СТТ, 2004. – С. 151–155.
35. Гынгазова Л. Г. Концепты «жизнь» и «смерть» в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – С. 103–111.
36. Гынгазова Л. Г. О концепте «воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2006. – С. 220–229.
37. Дарвин Ч. Выражение эмоций у животных и человека. Соч. в 5 т. – М., 1965.
38. Демешкина Т. А. «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры // Вестн. Том. гос. ун-та – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2018. – С. 34–46.
39. Демешкина Т. А. Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта «болото») // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2019. – № 62. – С. 85–103.
40. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71-93.
41. Дольник В. Р. Номо militaris. Статья первая // Знание – сила. – 1994. – № 1. – С. 127–138.

42. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : Свыше 136 000 словарных статей около 250 000 семантических единиц. Т. 1 / Т. Ф. Ефремова. - М. : Русский язык, 2000. - 1210, [1] с.
43. Зайкина С. В. Страх // Антология концептов / В. И. Карасика, И. А. Стернина – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1 – С. 247–268.
44. Зайкина С. В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20. – Волгоград, 2004. – 24 с.
45. Ильясов Ф. Н. О соотношении агрессии и страха // Социальные исследования. – 2017. – С. 62–69.
46. Кадачиева Х. М. Репрезентация концептов гнев и страх в английских и русских пословицах / Х. М. Кадачиева, П. М. Омарова // Вопросы когнитивной лингвистики – Тамбов: Изд-во ООО «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2016. – С. 28–33.
47. Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян / Нац. исслед. Том. гос. ун-т, Том. с.-х. ин-т ; [публикация Н. М. Дмитриенко, Г. В. Шипиловой ; науч. ред. Э. И. Черняк]. – Томск : Издательство Томского университета, 2014. – 199 с. С. 12–15.
48. Калиткина Г. В. «Годы» как имя темпоральных концептов в традиционной культуре // Вестн. Том. гос. ун-та – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – С. 16–23.
49. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик – М.: Гнозис, 2004. – С. 111.
50. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
51. Комлев А. А. О природе страха смерти: история вопроса и гипотезы // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2000. – С. 36–41.
52. Которова Е. Г. Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации речевых актов // Томский журнал ЛИНГ и АНТР – 2013. - № 1(1). – С. 58–67.
53. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография – Волгоград : Перемена, 2001. – 462 с.
54. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

55. Крейдлин Г. Е. Русские жестовые фразеологизмы III: Отражение наивной этики в невербальном и вербальном кодах // Логический анализ языка. Языки этики – М., 2000. – С. 341–352.
56. Кронгауз М. А. Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / М. А. Кронгауз. – М. : Издательский центра «Академия», 2005. – С. 130.
57. Кружкова О. В. Городской средовой стресс: восприятие реальности и гипотетическая оценка // Конфликтогенность современности. – Екатеринбург, 2014. – С. 8–101.
58. Крюгер Ф. Сущность эмоционального переживания // Психология эмоций: Тексты. / В. К. Вилюнас, Ю. Б. Гинненрейтер – М.: изд-во МГУ, 1984.
59. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова. – М.: Издательство МГУ, 1997. – С. 3–99.
60. Кулаков Ф. М. Приложение к русскому изданию // Минский М. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
61. Куликов Л. В. Социально-психологические аспекты влияния СМИ на сознание // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2011. – № 1. – С. 3–12.
62. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований / О. А. Леонтович – М. : Гнозис, 2011. – 224 с.
63. Леонтьев А. Н. Эмоции / А. Н. Леонтьев, К. В. Судаков // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1978. – Т. 30. – 631 с.
64. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка – М., 1993. - Т. 52, №1. – С 147–165.
65. Маркина М. В. Лингвокультурологическая специфика эмоционального концепта «гнев» в русской и английской языковых картинах мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Маркина. – Тамбов, 2003. – С. 165.
66. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – Электрон. дан. – М., [б.г.]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.06.2020).
67. Паскова Н. А. Концепт «женщина» в текстах среднеанглийского периода: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Н. А. Паскова – Иркутск, 2004. – 20 с.
68. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ-Восток-Запад, 2007. – 314 с.

69. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж : Истоки, 2007. – 250 с.
70. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. / Акад. пед. наук СССР. – М. : Педагогика, 1989. – Т. 1–2.
71. Сидорова Н. П. Сопоставительный анализ структур и способов актуализации русского и английского концептов луна и moon: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук / Н. П. Сидорова – Волгоград, 2010. – 23 с.
72. Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием) / [Н. А. Агапова, С. В. Волошина, Т. А. Демешкина и др. ; под ред. М. М. Угрюмовой] ; Нац. исслед. Том. гос. ун-т. - Томск : Издательство Томского университета, 2018. - 198, [1] с.
73. Словарь образных единиц сибирского говора / авт.-сост. О. И. Блинова, М. А. Толстова, Е. А. Юрина; под ред. О. И. Блиновой – Томск: изд-во Том. ун-та, 2014 – 220 с.
74. Словарь образных слов и выражений народного говора / Под ред. О. И. Блиновой – Томск: изд-во Томск. ун-та, 2001. – 312 с.
75. Словарь просторечий русских говоров среднего Приобья / Под ред. О. И. Блиновой – Томск: изд-во Томск. ун-та. 1977. – 185 с.
76. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов – М.: Языки славянской культуры, 1997. – 824 с.
77. Сурина В. Н. Понятие концепта и концептосферы // Молодой учёный. – 2010. - № 5. – С. 43.
78. Толковый словарь русского языка : [в 4 т.] / сост. В. В. Виноградов [и др.] ; гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. - Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1934-1940. – Т. 1–4.
79. Толстова М. А. Репрезентация аксиологического слоя концепта «лес» в диалектном дискурсе // Славянские языки и культуры в современном мире – Гомель, 2019. – С. 132–138.
80. Томский диалектный корпус [Электронный ресурс] // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. – Электрон. дан. – Томск, [б. г.] – URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (дата обращения: 15.06.2020). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.
81. Трессиддер Д. Словарь символов / Джек Трессиддер; Пер. с англ. С. Палько. – М. : Гранд : ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 443, [5] с.: рис.

82. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1964–1973. – Т. 1–4.
83. Феоктистова А. Б. Когнитивные аспекты семантики идиом, обозначающих чувства состояния: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Б. Феоктистова. – М., 1996. – 17 с. ; Семенов Н. Н. Лингвокультурологическое описание структуры и семантики паремий: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Семенов – Белгород, 2002. – 24 с.
84. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – Киев : Радянська школа, 1970. – 597 [2] с.
85. Чуркина М. В. Социальные страхи современного российского общества // Вестник ИрГТУ. – Иркутск., 2012. – № 6 (65). – С. 271.
86. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка Московского университета – М.: Изд-во МГУ, 1963–1982.
87. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография / В. И. Шаховский – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
88. Широкова И. А. Особенности структуры эмоционального концепта и его изучение в аспекте перевода. // Актуальные вопросы филологических наук: материалы междунар. науч. конф. – Чита: Изд-во «Молодой учёный», 2011. – С. 162–165.
89. Юрина Е. А. Образный строй языка / Е. А. Юрина; науч. ред. О. И. Блинова. – Томск.: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 153 с.
90. Яковлева Е. С. О понятии «культурная» память в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3. – С. 43–73.

Отчет о проверке на заимствования №1

Автор: gogolgget@gmail.com / ID: 5985446

Проверяющий: gogolgget@gmail.com / ID: 5985446)

Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат»- <http://users.antiplagiat.ru>

ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 10
 Начало загрузки: 27.06.2020 07:56:38
 Длительность загрузки: 00:00:03
 Имя исходного файла: ВКР. Галанина.pdf
 Название документа: ВКР. Галанина
 Размер текста: 1 кБ
 Символов в тексте: 152831
 Слов в тексте: 20283
 Число предложений: 3023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Последний готовый отчет (ред.)
 Начало проверки: 27.06.2020 07:56:41
 Длительность проверки: 00:00:04
 Комментарии: не указано
 Модули поиска: Модуль поиска Интернет

ЗАИМСТВОВАНИЯ

11,94%

САМОЦИТИРОВАНИЯ

0%

ЦИТИРОВАНИЯ

0%

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ

88,06%

Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа.

Самоцитирования — доля фрагментов текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника, автором или соавтором которого является автор проверяемого документа, по отношению к общему объему документа.

Цитирования — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общепотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в источниках из коллекций нормативно-правовой документации.

Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.

Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.

Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.

Заимствования, самоцитирования, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа.

Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Доля в тексте	Источник	Ссылка	Актуален на	Модуль поиска	Блоков в отчете	Блоков в тексте
[01]	0,02%	3,2%	Логопед / Книги по психолог...	http://logopediya.com	08 Мая 2019	Модуль поиска Интернет	1	39
[02]	0,4%	3,18%	Читать онлайн Вилюнас.В.К.,...	http://goldbiblioteca.ru	11 Мая 2020	Модуль поиска Интернет	6	38
[03]	0%	3,18%	http://transyoga.ru/assets/file...	http://transyoga.ru	27 Апр 2020	Модуль поиска Интернет	0	38

Еще источников: 17

Еще заимствований: 11,5%